

Маги начинают и выигрывают

К С ВЕТЛАНА КАЗАКОВА

НЕ СМОТРИ
НАЗАД

Annotation

По традициям королевства даже девушки с магическим даром свое будущее связывают прежде всего с удачным браком. Однако встречаются исключения. Алита Дален отказывается выйти замуж за вдовца ее старшей сестры Киллиана Ристона и поступает на работу в Службу Правопорядка. После череды неудач она отправляется в приморский городок Бранстейн, где всем заправляют Ристон и его кузены. Это место скрывает немало тайн. Поставив цель отыскать виновного в смерти единственной родственницы, Али не остановится ни перед чем. Но порой так непросто решить, чему верить — уликам или голосу сердца...

Светлана Казакова

Не смотри назад

Роман

© С. Казакова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дверь не заскрипела, но к постели приблизились легкие шаги. Знакомо повеяло ромашкой. Алита зажмурилась, вцепившись похолодевшими пальцами в край подушки.

На кровать кто-то сел. Затем последовало прикосновение к волосам. Осторожное, едва ощутимое.

— Али, я знаю, что тебе здесь плохо. Потерпи немного, милая. Скоро все пройдет. Ты приедешь ко мне. У тебя будут племянники и племянницы, с которыми ты сможешь нянчиться.

— Лучше племянницы, — одними губами ответила девушка.

— Так и знала, что ты это скажешь! Две девочки, да? Старшая и младшая. Такие же дружные, как мы... Были.

Тихий голос сменился звенящей тишиной. Алита открыла глаза. Села на постели, все еще сжимая грубую ткань наволочки, осмотрела пустую комнату и подавила рвущийся с губ всхлип.

А ведь так легко поверить! В то, что Рона приходила ее навестить. Что обещала забрать с собой, позволить младшей сестре помочь воспитывать двух маленьких девочек, окружить их заботой и лаской. Что все будет так, как представлялось, пока часы на городской башне отмеривали время, которое Али проживала без самого близкого ей человека. Тик-так, тик-так, тик-так, еще немного подожди...

Но такого никогда не будет. Не раздадутся шаги, не защекочет ноздри ласковый ромашковый аромат, всегда исходивший от волос и одежды молодой женщины. Не появятся на свет две сестрички, которые будут такими же дружными, как и сестры Дален. Старшая и младшая. Рона и Алита.

В эти дни и ночи, оказавшись в маленькой, пропахшей лекарствами и невкусной едой палате городской лечебницы после магического истощения, Али не могла укрыться от терзающих душу воспоминаний. Не могла забыться в работе, как делала прежде. Не могла заставить себя не думать о сестре.

Судьба не баловала их. Рано оставшись без родителей, они вынуждены были выживать самостоятельно. На старшую легло множество хлопот, однако она справлялась с ними, стараясь заменить младшей сестре и мать, и отца. Хорошо, что их не отдали в приют, не разлучили. Помогло заступничество живущей по соседству семьи. Те заявили, что возьмут на себя заботу о сиротках. Однако помогали только первое время — дальше девочкам пришлось справляться самим.

Магический дар у Роны обнаружили в семнадцать, у Алиты — годом позже. Тогда они перестали быть просто одними из представительниц некогда знаменитых, но обедневших родов, а стали кем-то другим. Кем-то, у кого появилась надежда.

Учебу в академии оплатили из городской казны. Сестры по очереди покинули дом и поселились в стенах старинного здания, где обучались другие девушки. К тому моменту Рона уже неплохо выучилась шить и подрабатывала на швейной фабрике. Старшая скопила кое-что, чтобы младшая не нуждалась до того, как поступит учиться. Так они впервые поселились отдельно.

Следом студенткой стала Али. Рона окончила академию. Прошло еще некоторое время, и затем...

Алита помнила тот день так, словно все произошло вчера. Она стояла перед холстом в колючем накрахмаленном платье, жесткий воротничок натирал шею, тесные ботинки — ноги. Увы, никто не позаботился о том, чтобы форма будущих магичек была хотя бы немного удобной. За спиной послышались шаги. Рона подошла и встала рядом, разглядывая работу сестры.

— Это натюрморт?

— Пейзаж, — отозвалась Али. Взяла тряпочку и принялась вытирать измазанные краской пальцы, стараясь не запачкать белоснежные манжеты. — Не по мне все эти изящные искусства.

— Терпи, никуда от них не деться, — хмыкнула Рона. Алита заметила на лбу сестры хмурую складку. — Послушай, нам надо поговорить...

— Меня выгоняют из академии? — припомнив все свои недавние шалости и проступки, тут же спросила Алита.

— Нет, конечно! С чего ты взяла? Глупышка, никто тебя отсюда не выгонит, покуда не подойдет черед выпуска!

— Тогда в чем дело?

— Али, я ведь уже взрослая.

— Я знаю, и что? Ты нашла новую работу? Правильно — я всегда говорила, что магичка должна быть не простой швеей, а как минимум главной!

— Не совсем. Видишь ли, скоро я выйду замуж, — сообщила Рона. Помолчала, давая возможность сестре переварить эту новость, затем тронула за плечо и улыбнулась. Но невесело. Не глазами.

— Кто он? — выпалила младшая. — Я его знаю? Когда он сделал тебе предложение?

Али смотрела на сестру, будто не узнавая и отмечая что-то новое в ее облике. Сестры родились очень похожими — и у той, и у другой вьющиеся рыжие волосы, обе светлокожие и невысокие, но Рона казалась красивее, ярче. Али знала об этом и не завидовала.

— Он очень богатый и уважаемый человек, — сказала сестра. — Ты его не знаешь. Но мне придется уехать в другой город.

— Что?! Рона, нет! Как я буду жить без тебя? — растерянно пробормотала Алита. Она-то надеялась, что после ее выпуска из академии они с сестрой снова заживут вместе. Только гораздо лучше, чем раньше, ведь теперь и сама Али сможет найти работу.

Богатый и знатный муж — конечно, неплохо. От такого не откажется ни одна девушка в столице, да и во всем королевстве, пожалуй. С детства их готовят к замужеству, наставляют, чтобы стали хорошими хозяйками, собирают приданое.

Вот только у сестер Дален все обстояло иначе. Родители не успели ничего сделать. Обе росли с уверенностью, что и в дальнейшем им придется самостоятельно заботиться о себе, зарабатывать и обеспечивать себя. Для них не складывали постельное белье, дорогие кружева и ткани в кованые сундуки. Их не учили, как правильно вести хозяйство и угождать мужьям.

— Рона, пожалуйста... — прошептала Алита, едва сдерживая слезы. С тем, что сестра собирается выйти замуж, она еще могла бы смириться, но не с тем, что та уедет. — А как же я?

— Я думаю о нас обеих, — с неожиданной холодностью в голосе произнесла сестра. — Кто позаботится о тебе, если со мной что-то случится? Ты еще не пробовала сама добывать себе хлеб! На все хорошие места берут только мужчин, даже если твой дар в несколько раз

превосходит тот, что у них! Я не хочу, чтобы ты стала подавальщицей в каком-нибудь трактире!

— Но ведь я могу работать в аптеке! У меня неплохо получаются снадобья! Сам профессор Танильм хвалил! Мы давно не виделись, поэтому ты еще не знаешь о моих успехах! Разве это не пригодится?

— Не уверена, что тебя возьмут туда без практики и связей. Али, поверь мне, магический дар — еще не все! Да, нас отправили учиться, но это не значит, будто кого-то заботит наша судьба! Нужно что-то еще — деньги, сила, власть. Их может дать отец или супруг. Отца у нас нет. Так что...

Рона не договорила, махнув рукой. Алита во все глаза смотрела на нее. В тот день сестра открылась с неожиданной стороны.

— Я спрашивала, но ты не можешь поехать на свадьбу. Скоро важные экзамены. Когда академия останется позади, обещаю, я заберу тебя к себе, — проговорила Рона. — Мы снова будем жить вместе. Не хочешь меня поздравить?

Алита сморгнула слезинки, убеждая себя согласиться с разлукой. Ведь это ее старшая сестричка, которая заслуживает счастья. Их ничто не разлучит.

И никто.

Но к тому моменту, как Али сменила форму студентки академии на обычное платье, Роны уже не было в живых.

Как же тяжело идти! Алита с трудом переставляла ноги, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть. Однако не поддавалась на соблазн остановить извозчика — почти все жалованье ушло на оплату услуг лекарей, а до следующего еще требовалось дожить.

— Мы возместим эти деньги, — сказал альд Кирхилд, ее непосредственный начальник, единственный раз навестив подчиненную в лечебнице. — Но со временем. Пока придется заплатить из своего кармана, хорошо?

Тогда у Алиты оставались силы лишь на то, чтобы слегка шевельнуть головой. Этот жест можно было бы расценить и иначе, но альд Кирхилд принял его за согласие и тут же скрылся. Даже не пожелал напоследок выздороветь поскорее.

Впрочем, ее ведь предупреждали о возможных последствиях работы в Службе Правопорядка еще тогда, когда Али впервые перешагнула порог неприметного двухэтажного здания в самом центре столицы. Казалось, одним своим видом оно оскорбляло стоящие по соседству дома, напоминающие дворцы. Неприглядную картину немного оживляли лишь яркие кляксы осенних цветов, посаженных в палисаднике.

— Вы можете серьезно пострадать при выполнении заданий, — бесстрастно говорил альд Кирхилд, раскуривая трубку. Ноздри защекотал запах ядреного табака, Алита едва не чихнула, но тут же прижала к носу руку в перчатке. — Можете даже лишиться рассудка. Бывали и такие случаи, да. Весьма прискорбно.

— Я понимаю, — ответила она, стараясь не думать о том, на какой риск сознательно идет.

— Обычно мы не берем на работу женщин, но ваш магический дар... Он может оказаться для нас весьма полезным. К тому же...

Мужчина не договорил фразу, но Алита могла без труда догадаться, что он хотел сказать: «К тому же никто не будет переживать, если с вами что-то случится, никто не станет писать жалобы и обивать пороги инстанций». Он был прав.

После известия о смерти сестры Алите предложили стать новой женой мужа Роны. Эта весьма распространенная практика ни у кого не вызывала удивления и считалась вполне разумной, особенно если женщина умирала, оставив не только вдовца, но и осиротевших детей. Однако Рона Дален и ее супруг Киллиан Ристон не успели обзавестись потомством.

— Она покинула нас слишком рано, — говорил тучный низкорослый человечек, имя которого Алита забыла сразу же после того, как он представился. — Но альд Ристон оказался настолько любезен и добр, что согласился взять вас в жены, несмотря на то что в его доме нет ваших племянников. И несмотря на то что вы бесприданница.

С языка так и рвались слова о том, куда альд Ристон может засунуть свое предложение, а также доброту и любезность, но Алита сдержалась.

— Прошу поблагодарить альда Ристона от моего имени и выразить ему... — Алита закашлялась, чувствуя, как разрастается жесткий комок в горле. — Выразить ему мои соболезнования. Но я не заслуживаю такой милости. Уверена, он без труда отыщет куда более достойную его невесту.

— Но традиция предписывает заключать брак...

— ...Между вдовцом и сестрой его почившей жены, если у супругов есть дети, — перебила его Алита. Сейчас ее не волновал этикет, согласно которому надлежало покорно

выслушивать и лишь кивать в ответ. — К тому же это всего лишь традиция, а не закон.

— Но что с вами будет? — казалось, в тоне собеседника наконец-то прорезались настоящие эмоции и зазвучали не заученные слова, а истинные мысли. — Я знаю, у вас нет ни родителей, ни опекунов.

— Я не ребенок и уже почти получила образование. Как-нибудь справлюсь. Благодарю за участие. Прощу меня извинить. Мне нездоровится.

Она поднялась с места, показывая, что разговор окончен, и направилась к двери.

— Но ведь сестра обещала взять вас к себе. Сейчас вам выпал шанс на дальнейшую безбедную жизнь. Разве вы не хотели бы занять ее место? — донеслось ей вслед.

Али обернулась и покачала головой:

— Нет. Я никогда не хотела занять ее место. Предпочитаю оставаться на своем.

С того разговора прошло два с половиной года. Позади остались надежные стены академии, экзамены и соученицы. Впереди ожидала неизвестность, но от брата одной из приятельниц Алита узнала, что столичная Служба Правопорядка ищет штатного мага.

Разумеется, они могли бы и не взять на работу вчерашнюю выпускницу, неопытную и безродную, но ей повезло. Академию оканчивала племянница альда Кирхилда, и тот пришел поглядеть на проведение экзаменационных испытаний. Алита знала о том, что он будет там, поэтому и постаралась выложиться по полной. На следующий день у нее ломило все тело, но дело того стоило. Когда она пришла на собеседование, будущий начальник уже знал, чего от нее ожидать.

А также знал, что в случае чего никого не будет заботить судьба Алиты Дален.

Первое магическое истощение случилось не сразу, но оказалось хуже того, что о нем рассказывали. Однако задерживаться в лечебнице Али не пожелала. Решила, что будет долечиваться сама, дома. Укрепляющие снадобья у нее имелись, самодельные, зато из тщательно подобранных ингредиентов. Да и надоело уже валяться без дела в унылой палате.

Пожалуй, свои силы она несколько переоценила, но возвращаться поздно. Шажок, еще один. Ее повело в сторону, Алита едва не столкнулась с каким-то щеголем с тросточкой в руках и ухватилась за забор.

— Эй, ты тут помирать вздумала, болезная? Да что за день сегодня?! Алита, ты, что ли?

Голос звучал знакомо. Али с трудом сфокусировала взгляд и увидела за забором соседку тетущку Гридису. Дом совсем рядом!

— Чего ж ты так рано из лечебницы-то ушла? Неужто сбежала? — Гридисса всплеснула пухлыми руками и вытерла их о фартук. — погоди! Сейчас подмогну!

Спустя несколько долгих мгновений скрипнула калитка. Соседка, несмотря на возраст, оказалась дамой крепкой и, подхватив Алиту под локоть, без видимых затруднений поволокла за собой. По дороге она продолжала причитать и ругать нынешнюю молодежь, у которой никаких толковых соображений, а только ветер в голове.

— Куда вы меня ведете? — прохрипела Али. Ватные ноги не слушались и заплетались. — Мне надо домой.

— Домой! Молчи уж! У тебя там наверняка и черствой крошки не завалялось! — проворчала сердобольная тетущка. — К себе веду! Накормлю хоть!

Алита собиралась сказать, что не хочет есть, но промолчала. Кормежка в лечебнице была практически несъедобной — холодной и невкусной. А дома, тут соседка права, никаких запасов.

После плоски рисовой каши и горячего чая с листочками смородины Али была готова

признать, что понемногу оживает. Ее разморило в тепле от большой печки, мягкая подушка за спиной так и манила прилечь, а пичуги за окном, казалось, выводили колыбельную. Но злоупотреблять гостеприимством соседки не следовало.

— Я пойду. Спасибо! — Алита тяжело поднялась из уютного кресла. Мышцы снова заныли. — Вовек вашей доброты не забуду!

Тетушка Гридисса вызвалась проводить ее до дома, но Али уверила, что доберется сама. Тут и осталось-то всего ничего. Прежде она бы и не заметила, как добежала, но только не сейчас, когда проклятушая слабость снова навалилась, точно душное ватное одеяло.

Теперь родной дом больше не принадлежал ей полностью. За ней оставались только одна, самая маленькая, комната и кухня. Остальное сдавалось под склады, причем арендную плату вносили не на ее счет, а в городскую казну, как бы возвращая долг за обучение. Можно было бы пустить квартирантов, но кто согласится за плату поселиться в давно не отремонтированном домике на окраине, с водой из колодца и уборной во дворе? Сейчас все избалованы техническими новшествами, так что хотят удобства в доме, да еще чтоб дрова таскать и воду греть не требовалось.

В нетопленном доме будто ветер бродил. Даже при закрытых окнах пробирал озноб. До чего же холодная нынче весна! Алита поежилась, кутаясь в старенькую шаль, подумала, что надо бы обогреть дом, но представила себе поленницу у дома и поняла, что пока ей этого не осилить. Она подхватила в охапку все самое теплое, что сумела найти, и, не раздеваясь, забралась на скрипучую кровать.

Через несколько минут ее сморил беспокойный сон.

Спала Алита долго. На город Телл, столицу славного королевства, опустились сумерки, алый шелк заката сменился бархатистой темнотой ночного неба, забрезжил рассвет, а она все не просыпалась. Постепенно к ней возвращались силы, пока еще слабые, едва-едва заметные, точно первые весенние ростки, и там, во сне, Али снова чувствовала себя здоровой, ловкой и быстрой. Ее будто согревало солнце. Перед его ярким горячим светом отступало все — и постоянные насмешки коллег мужского пола, и трудности работы, оказавшейся куда утомительнее и грязнее, чем представлялось, и тяготы одинокой жизни в продуваемом всеми ветрами доме.

Алита открыла глаза, все еще чему-то улыбаясь. Часть импровизированных покрывал успела соскользнуть на пол, жесткие пружины кровати выпирали сквозь старый матрас, заставляя ощущать себя принцессой на горошине, и все же Али выпалась, чего с ней за последнее время давненько не случалось. Она села и прислушалась к себе, размышляя о том, какой из полезных для здоровья отваров приготовить первым.

Когда спустя несколько часов Алита, кряхтя, как маленькая старушка, успела растопить печь, помыться, нагреть воду в кухне, и сменить одежду на чистую, в дверь постучали. Громко и требовательно. Али вздрогнула и выронила из рук глиняный кувшинчик, к счастью, пустой. Гостей она не ждала. К ней вообще крайне редко кто-то приходил, а арендаторы остальных комнат пользовались другим входом и имели собственные ключи.

— Ты?! — удивилась она, открыв дверь.

Игберт Фрим работал в Службе Правопорядка и, по слухам, приходился дальним родственником кому-то из королевской семьи. Али в этом, если честно, сомневалась. Она подозревала, что тот сам распустил эту сплетню, чтобы его считали настоящим аристократом. Увы, внешне он мало походил на тех, чьи гордые профили украшали монеты. Невысокий, плюгавенький, дорогие вещи сидели на нем плохо, словно с чужого плеча.

— Тебя альд Кирхилд прислал? — спросила Алита. — Справиться о моем здоровье? Он ведь не сердится, что я ушла из лечебницы раньше срока?

— Так вот, значит, как ты живешь, — не отвечая на ее вопросы, брезгливо поморщился мужчина и шагнул в дом. — Ведешь себя точно благородная альда, а сама обитаешь в свинарнике! Посреди навоза!

Алита молчала. К щекам прилила кровь. Во дворе в самом деле пахло навозом, но причиной тому являлся огород соседей с другой стороны. Те славились своим урожаем и не гнушались натуральными удобрениями. К тому же никто сюда Фрима не приглашал!

Так она ему и сказала. Еще и добавила, что свинья, между прочим, весьма чистоплотное животное. Пусть не говорит глупостей, ежели не знает!

— Что ж, чистотой от тебя действительно пахнет... — Игберт наклонился к ее лицу и втянул носом воздух. — И лавандовым мылом... Какой нежный аромат... Мне нравится.

Али отступила на шаг, но собеседник схватил ее за локти и резко притянул к себе. Не обращая внимания на протестующий крик и попытки оттолкнуть, прижался колючей щекой к шее, жадно вдыхая запах влажных волос. От нахлынувшего отвращения Алиту затошнило.

Али вырывалась изо всех сил. Но мужчина был гораздо сильнее. К тому же утомленный недавней болезнью и утренними усилиями организм не позволял бороться в полную силу. Магия тоже пока не вернулась окончательно. На снадобья ее еще бы хватило, а вот на то, чтобы ударить...

Каждое мгновение происходящего будто взрывалось огненным сполохом и навечно отпечатывалось в памяти. Вот Фрим крепче стискивает ее руки, наверняка оставляя синяки. Вот грубо впечатывается слюнявыми губами куда-то между щекой и шеей. Вот теснит ее все дальше в глубь кухоньки. А затем...

Он толкнул ее на пол и тут же навалился сверху. Хотя его телосложение и нельзя было назвать выдающимся, Игберт Фрим оказался неожиданно тяжелым. Алита хотела закричать, но из горла вырвался только сдавленный хрип. Как он сделал так, чтобы у нее пропал голос? В мыслях промелькнуло воспоминание — альд Кирхилд однажды говорил, что такое делается во время пыток заключенных, вернее, делалось раньше, задолго до нынешнего просвещенного времени. Ведь сейчас арестованных уже не пытали. Или ей, как той, кому не доверяли подобные дела, просто не стали все рассказывать?

— Что, теперь ты уже не такая гордячка? — усмехнулся ей в лицо Фрим. — Подожди, это только начало... Может, тебе понравится.

Али до крови прикусила нижнюю губу в попытке хоть что-то сказать, но бесполезно — ей будто перетянули голосовые связки. Мужчина чуть приподнялся, покрытые темными волосками пальцы потянулись к застежке ее платья, но, похоже, специалистом в раздевании женщин он не являлся, потому и справиться с мудреными крючками с первой попытки у него не вышло. Мысленно вознеся благодарность случаю, по которому она надела именно этот скромный наряд, Алита воспользовалась тем, что одна ее рука получила относительную свободу, и слепо зашарила по полу. Наткнувшись на что-то твердое, попыталась придвинуть обнаруженное к себе. Кувшин, который она так и не успела подобрать с пола!

Округлый бок послушно лег в ладонь. Тем временем Фрим, потеряв надежду расстегнуть платье, потянул вверх подол, захватив одновременно и нижнюю юбку. Али стиснула зубы и, собравшись с последними силами, вложила все их в движение. Рука взметнулась вверх, украшенный затейливой росписью кувшинчик с громким звуком ударился о голову мужчины и разлетелся на осколки, а тот, потяжелев еще больше, рухнул на девушку. Наступила тишина.

С трудом выбравшись из-под прижимавшего ее к полу тела, Алита отодвинулась — отползла к стене. Несколько мгновений спустя нерешительно потянулась к безжизненно откинутой руке, тронула запястье под манжетой дорогой шелковой рубашки. Услышав глухое биение пульса, тут же отдернула ладонь и вытерла об одежду.

Он жив! Слава высшим силам, она его не убила! Но что делать дальше? Вот бы щелкнуть пальцами — и отправить его куда подальше! Однако такое даже самым сильным магам недоступно, а уж ей в таком состоянии и подавно.

Кое-как поднявшись на ноги, Али оправила платье и заковыляла к двери. Хлопнула калиткой, вышла на улицу. Замахала проезжавшему мимо извозчику и лишь теперь вспомнила, что совсем забыла захватить с собой деньги. Голос еще не вернулся. Угрюмый старик, который остановился, наверняка принял ее за немую, когда она жестами объясняла

ему, куда ехать.

Всю дорогу Али готовилась переступить через собственный стыд, но, когда перешагнула порог кабинета альда Кирхилда, ее руки дрожали, а колени подкашивались. Тот удивленно воззрился на нее, когда она сразу же потянулась к бумаге на его столе. Несколько чернильных капель сорвалось на белый лист, когда Алита начала писать.

«Пожалуйста, заплатите извозчику. Он ждет у входа. Я не могу сейчас говорить».

Когда с некоторой заминкой начальник послушался и вышел, Али продолжила, с трудом подбирая слова. Альд Кирхилд вернулся, выжидающе уставился на нее. Принял из ее рук лист бумаги, прочел.

— Ты серьезно?!

Алита подняла на него глаза. Внимательный взгляд начальника прошелся по ней, будто ища подтверждение ее словам. Она могла представить, что он видит — гнездо растрепанных волос, измятое платье, алые пятна на коже.

— Я отправлю в твой дом дежурных, — сухо сказал альд Кирхилд. — Прикажу им помалкивать о том, что придется увидеть. Замнем это дело.

Она приоткрыла рот в попытке ответить, но со стороны, должно быть, напоминала пойманную рыбу.

— Ты же не захочешь огласки, — продолжал начальник. — Твоей репутации она только повредит. Сама ведь знаешь, как бывает. Молва бежит впереди. Как говорится, то ли он украл, то ли у него украли. К тому же ведь не случилось ничего... непоправимого. А Фрим получит строгий выговор.

Алита стиснула руки и опустила голову, густые пряди волос соскользнули на лицо, прикрывая краску стыда. Как ни противно признавать, собеседник прав. Она и так служила на должности, на которую обычно назначали мужчин, но в доме ее посторонних никогда не бывало, и соседи могли бы это подтвердить. Девушки, с которыми стряслось нечто подобное, крайне редко обращались за помощью к правосудию, и все же Али знала, как начинали относиться к этим бедняжкам после случившегося. От любопытных взглядов, ехидных шепотков за спиной и домыслов один другого унизительнее никуда не деться. Даже родственники порой не оказывали должной поддержки. Некоторые из тех девушек наложили на себя руки, другие уходили в монастыри или специальные приюты, где порядки бытовали похуже тюремных.

— Фрим вызвался пойти к тебе, чтобы поговорить о твоём магическом истощении, — сказал вдруг альд Кирхилд. — Он считает, что оно произошло по твоей вине. Вы ведь вместе были на том задании.

Если бы голос вернулся, Алита наверняка бы издала возмущенный вскрик, но сейчас могла только смотреть на начальника и сжимать кулаки в бессильной ярости.

В памяти оживало случившееся в тот день. На первый взгляд, задание казалось весьма простым. Требовалось всего лишь проверить старый и давно заброшенный дом на окраине города. Тот портил внешний вид столицы, и его давно следовало снести, но сделать это без разрешения владельца нельзя, а он отправился на поиски приключений и до сих пор не вернулся. Прошедшее с его отъезда время еще не позволяло счесть хозяина дома умершим, потому родственники также пока не могли вступить в права наследования и распорядиться

имуществом.

От соседей поступили сведения, будто в том доме что-то нечисто. Слышатся шорохи, загораются огни, а порой даже вой доносится. «Да такой страховитый, что аж все поджилки содрогаются!» — как записано в показаниях одного из свидетелей. Альд Кирхилд смотрел на такие вещи скептически, поскольку подобное случалось уже не раз и почти всегда оказывалось, что фантазия обращающихся в Службу Правопорядка слишком уж богата на всевозможные домыслы и выдумки. Как говорится, у страха глаза велики.

Али не слишком-то любила работать с Фримом, но постоянного напарника у нее не имелось, а тот как раз оказался свободен. Когда им велели отправляться на задание, он лениво поднялся, оправил франтоватый шарфик на шее и проворчал, что там, должно быть, всего лишь обосновался какой-нибудь бездомный, а то и целая компания. Такое случалось не слишком часто, но все же не являлось чем-то вопиющим, да и разбираться с этим следовало не магам, а обычным служащим с дубинками и пистолетами.

Но на сей раз очевидцы странностей не переоценили опасность, а совсем наоборот. Алита ощутила это, едва переступила порог дома. В нем стоял неприятный запах — густой, затхлый, вызывающий тошноту. Ей даже пришлось зажать нос, чтобы справиться с первым порывом выбежать прочь и глотнуть свежего воздуха. Игберт Фрим за ее спиной хмыкнул.

— А ты думала, здесь будет благоухать розами?

— Я ничего не думала, — отозвалась Али. — Что будем делать? Разделимся или пойдем вместе?

— Мне все равно, — отмахнулся он. — А что, страшно? Если боишься бродяг, не нужно было вообще устраиваться на эту работу.

Не продолжая бессмысленную беседу, Алита свернула направо. На каждом шагу увертываясь от свисающей с потолка паутины, она шла вперед и напряженно размышляла, что же в доме не так. Призрак? Заблудшая душа, чьей-то злой волей переброшенная из другого мира? Или здешние унылые стены выбрали своим прибежищем очередные последователи одного из запрещенных в королевстве темных культов?

Будь на месте Фрима другой сослуживец, она бы посоветовалась с ним, но подозревала, что сейчас это бесполезно. Тот попросту отмахнется от ее догадок. Он вошел следом за ней, но совершенно ничего не почувствовал. Упорно продолжал считать, будто здесь всего лишь поселились бездомные, а соседи чересчур суеверны, вот и твердят о том, чего нет. Переубедить его можно было только одним способом — заставить воочию увидеть то, что скрывалось в доме.

Сделав еще несколько шагов, Али остановилась перед закрытой дверью. Казалось, ту пытались выломать совсем недавно. Отпечатки грязных подошв на когда-то выкрашенном светлой краской дереве выглядели еще свежими. Повыше виднелись следы растопыренных ладоней. Красные следы.

За спиной послышался громкий шум. Алита обернулась, инстинктивно выставила вперед руки. Для боевой магии не нужны дополнительные приспособления, инструмент мага — все его тело.

Навстречу неся бедно одетый мужчина с вытаращенными от страха глазами и отвисшей челюстью. Он словно не замечал стоящую перед ним девушку и, если бы Али не отступила в сторону, врезался бы прямоком в нее. Но в узком коридоре места для маневров почти не имелось, поэтому оставалось только одно — на время вырубить незнакомца, а уж затем разбираться, что с ним не так.

— Что у тебя там? — Фрим появился спустя несколько минут. Его светлые брови удивленно приподнялись, но на лицо тут же вернулась привычная надменно-равнодушная гримаса. — Я же говорил, что ничего тут нет. Всего лишь какая-то нищая шваль.

— Он чего-то испугался, — ответила Алита, глядя на бесформенной грудой лежащего на полу человека. — Не меня. И посмотри сюда, — кивнула она на дверь.

— Не наблюдаю ничего особенного, — фыркнул собеседник. — У него же или кого-то вроде были грязные ноги. И руки.

— Руки в крови!

— И что? Может, подрался с кем-нибудь за медяшку! Это не наше дело.

— Ты слышишь? — Али повернулась к двери, за которой раздавалось негромкое скрежетание. Словно кто-то царапал ее с обратной стороны.

— Что за глупости? Если там кто-то и есть, то еще один вот такой же. Но проверить бы надо, — с сомнением добавил он.

— Прикрой меня!

Алита толкнула дверь, и та легко подалась. Слишком легко. Даже не скрипнули петли, точно их только что смазали.

Дальше все произошло так быстро, что в памяти остались лишь отрывистые фрагменты.

Растянутая в злобной ухмылке пасть существа, похожего на гигантскую ящерицу, одну из тех, что привозят из далеких краев. Но те обычные, пусть и довольно жуткие на вид, а от этой твари тянет могильным холодом, человеческим страхом и безумием, которым она питается. Вытягивается длинная шея, в продолговатых глазах медного цвета загорается что-то напоминающее интерес, резкий бросок...

Али успела нанести удар за мгновение за того, как на нее напали. Но второго — который должен был исходить от напарника — не последовало. Тот успел исчезнуть из коридора.

Алите казалось, что этот день никогда не закончится. Альд Кирхилд вернул ей голос, но не сразу — только после того, как она дописала отчет со своей точки зрения на то, что случилось в заброшенном доме. Пока Али находилась в лечебнице, ее не допрашивали, потому что сотрудники знали обо всем лишь со слов Фрима. Разумеется, тот искажил события так, как ему было удобно. По его показаниям выходило, будто она сама полезла на рожон, несмотря на его благоразумные предупреждения.

«Ни о чем он не предупреждал!» — Али так вскипела, что едва не проткнула бумагу. Даже пальцы заныли, но все ее тело и без того продолжало ломить, поэтому новой боли она почти не почувствовала.

В дверь постучались.

— Альд Кирхилд, мы доставили альда Фрима, — робко сообщил кто-то из дежурных не магов.

— Ему нужна помощь лекаря? — осведомился начальник.

— На голове большая шишка, но он уже пришел в себя и ругается. Изволите его впустить? — Услышав эти слова, Алита подняла взгляд от листа с начатым отчетом.

— Не нужно, я поговорю с ним в другом месте.

Скрипнула, закрываясь, дверь. Али перевела дух и продолжила писать. Мысли путались и не желали складываться в слова, так что отчет едва ли можно будет назвать образцовым.

Алита могла лишь догадываться, чем являлась тварь, обнаруженная в старом доме. Ее либо вывели скучающие маги-экспериментаторы, либо та сама выбралась из преисподней или какого-нибудь столь же жуткого места. В любом случае она обладала зачатками разума и каким-то образом умудрилась свести с ума обитавших во временном укрытии бездомных. Те стали легкой добычей. Что же касалось самой Али, то в ней существо почуяло угрозу, потому и решило разделаться с девушкой сразу, не начиная игру, в которую затягивало остальных. Если бы удар, нанесенный магией, оказался чуть слабее, сейчас Алита Дален уже лежала бы в могиле на старом городском кладбище, где хоронили не самых богатых жителей столицы, и над ней печально склонялись бы ветки рябины, отгоняя зловредных духов, которые, по поверьям, приходят за почившими магами. Но она осталась жива, отделавшись сильным магическим истощением, к счастью, излечимым.

А Игберт Фрим попросту сбежал, оставив ее сражаться в одиночку! Ничего удивительного, что у него до сих пор нет постоянного напарника. Ведь они должны во всем полагаться друг на друга.

Как и некоторые другие сослуживцы, Фрим считал, что ее пол по умолчанию делает Али слабее остальных, почти бесполезной. Он бы ничуть не огорчился, если бы она погибла в тот день. А еще пришел к ней домой, чтобы указать ей на место, припугнуть или и вовсе...

Алита потрясла головой, отгоняя неприятные мысли. От воспоминаний о том, как Фрим прикасался к ней, ее передернуло. По коже словно проползло какое-то мерзкое насекомое, а во рту снова появился привкус желчи.

Он был в ее доме! Осквернил его не только действиями, но и одним своим присутствием! Теперь она никогда и ни за что не сможет чувствовать себя в безопасности за привычными стенами. Они станут казаться ей тонкими и ненадежными, точно сложенными из соломы. Вот что сделал Фрим!

Спустя некоторое время, когда отчет лег на стол начальника, а голос вернулся, Али пришлось выслушать еще одно обвинение.

— До меня также дошли сведения, что ты превысила свои полномочия и, не имея документов аптекаря или травника, приготовила снадобье для другого, — строго произнес альд Кирхилд, сидя напротив за массивным дубовым столом. Али пристроилась за столиком секретаря, которого не так давно перевели в отдельное помещение. Хмурый взгляд начальника, его суровые интонации, сухие канцелярские фразы не сулили ничего хорошего.

— Для кого?

— Шивона Лаберд.

Услышав это имя, Алита уставилась на альда Кирхилда с удивлением. Откуда он мог узнать? И что плохого она сделала?

С Шивоной Лаберд они познакомились в академии. У младшей дочери влиятельного в столице человека наличествовал слабенький магический дар, что компенсировалось высоким материальным положением семьи, потому никто из девушек не осмеливался дразнить эту невысокую брюнетку с серыми глазами и пухлыми губами, которые преподавательницы отчего-то называли порочными. Странно, что они с Али вообще подружились, ведь сложно представить более разные условия, чем те, в которых росли однокурсницы.

После академии юная альда Лаберд ездила на балы и званые ужины, на которых ей подыскивали жениха, что удалось не сразу, поскольку запросы у ее родителей, как и следовало ожидать, оказались завышенными. Но в этом году наконец-то назначили свадьбу. Та должна была состояться именно тогда, когда Али находилась в лечебнице.

Вечером накануне того дня, когда их с Фримом отправили на злополучное задание, Шивона внезапно навестила подругу по академии в ее скромном доме и попросила об услуге.

— Ты дала ей сильное успокоительное, — обличающим тоном проговорил альд Кирхилд, глядя Алите прямо в глаза.

— Из-за того, что она сказала, будто очень волнуется перед свадьбой, а семейный лекарь не дает рецепта. Я предупредила, что превышать дозу нежелательно, — отозвалась Али. Перед мысленным взором встал облик Шивоны в тот вечер. Бледное лицо, заплаканные глаза, сжатые руки — с такой силой, что побелели костяшки пальцев. На счастливую невесту та ничуть не походила, и это заставляло подозревать, что решение о браке могло быть принято против воли невесты. Подобное порой случалось. — Только не говорите, что она вздумала покончить с собой! — с неожиданно осенившей ее страшной догадкой добавила Алита.

— Оно предназначалось не ей, а ее жениху. Твоя подруга подлила ему жидкость в вино перед их первой брачной ночью. А затем вылезла в окно по плющу и сбежала с любовником, предварительно захватив самое ценное из своего приданого.

— Но... — ошеломленно выдохнула Али. — Я ведь ничего не знала! Шивона сказала, что выпьет сама...

— Поскольку свидетелей вашего разговора не имелось, ты вполне можешь считаться соучастницей, — развел руками альд Кирхилд. — На ваше счастье, он жив. Разве что проспал больше суток. И где гарантия, что ты впервые согласилась выдать кому-то самодельное снадобье, на которое не предъявили рецепта? Чем сможешь доказать, что не промышляла этим в качестве подработки?

— Шивона знала, что у меня хорошо получались снадобья! Лучше всех в нашей группе! Но я всегда делала их только для себя! Это был единственный раз, когда... — Алита подняла глаза на начальника. Тот постукивал пожелтевшими от табака пальцами по столешнице. — Чего вы от меня хотите?

Начальник молчал, будто обдумывал что-то. Пауза грозила затянуться. Али сложила руки на коленях и придала себе настолько благообразный вид, насколько это возможно в мятом платье и с наспех приглаженными ладонью волосами. Нарушать воцарившееся молчание первой не хотелось, и она пожалела о том, что не умеет читать мысли. Вот бы узнать, о чем сейчас так напряженно размышляет альд Кирхилд!

— Ты ведь умная девочка, — наконец-то заговорил он. Серьезно, но негромко, точно боялся подслушивания. — И знаешь, что к чему. Я могу прикрыть тебя в неприятной ситуации с Шивонной Лаберд, но что касается Фрима... Наверняка ты слышала, будто его родственники вхожи в королевский дворец и — более того — приходится дальними родственниками правящей семье.

— Так это не выдумка? — удивилась Алита.

— Как мне известно, чистая правда, — отозвался собеседник. — Потому за спиной Фрима такие люди, противостоять которым не смогу даже я, не говоря уж о тебе. Именно они и хлопотали за него, прося взять на работу.

— Но почему? — подумала она вслух. Сильным магом того не назвать. Другие сотрудники обычно вежливы с ним, однако не выказывают ни капельки дружеского расположения, не зовут выпить после дежурства, не приглашают в гости.

— Так ему захотелось. — Альд Кирхилд пожал плечами, и Али вдруг заметила, какие усталые у него глаза, набрякшие веки, почти седые волосы. — Но, как мне кажется, тебе будет тяжело работать с ним после того, что случилось. Верно?

Она кивнула. Стиснула руки, до боли вонзив ногти в ладонь. В голове испуганной пташкой билась одна мысль: «Только бы он меня не уволил!»

— Я поразмыслил над тем, что делать, и, кажется, нашел выход, — продолжал начальник. — Тебе нужно новое назначение. Я бы не сказал, что ты очень уж привязана к столице, так что, думаю, ничего не будешь иметь против жизни в провинции. Вот список городов, где в настоящее время требуется штатный маг. Можешь выбрать любой, а я распорядусь, чтобы тебе выдали пособие, покрывающее расходы на лечебницу, так что деньги на дорогу у тебя будут.

С замершим сердцем и нервной дрожью в кончиках пальцев Али наклонилась над листом бумаги, вчитываясь в незнакомый почерк. В списке она искала лишь одно название. И нашла его.

— Бранстейн, — сказала Алита. Сердце в груди будто ожило и затрепыхалось, застучало так громко, что пульс отдавался в ушах. — Я выбираю Бранстейн.

— Интересно. — Альд Кирхилд приподнял кустистые брови. Он наверняка наводил о ней справки перед тем, как принять на работу, следовательно, знал о том, где жил вдовец ее старшей сестры. Тот, чьей женой стала бы и сама Али, если б дала согласие на переданное через поверенного предложение. — Гм... Это твое окончательное решение?

— Да.

— Имей в виду, что ты не сможешь сразу передумать. Должна отработать как минимум год. Кроме того, я не могу обещать тебе возвращения в Телл.

— Понимаю.

— Тогда пиши заявление.

От нее не укрылось промелькнувшее в глазах начальника изумление, но Али не собиралась ему ничего объяснять. Пусть мучается любопытством, почему она решилась поехать туда, где ей однажды предлагали поселиться. Об ее отъезде, должно быть, пойдут сплетни, но это совершенно не волновало.

Тогда Алита могла отправиться в тот город. Но не хотелось входить в дом Ристона бесправной куклой и становиться его собственностью так же, как сестра. Зато теперь...

В детской книге, которую когда-то читала ей Рона, Алите запомнился рассказ о Братце Кролике, который умолял Братца Лиса не бросать его в терновый куст, хотя именно туда и желал попасть. Может быть, Али и была крольчонком в окружении лис-ищеек, но сейчас они делали то, что требовалось. Давали ей шанс.

Когда она закончила писать заявление, альд Кирхилд отпустил ее. К счастью, в коридоре она не встретила Фрима. Кроме того, обещанную сумму ей выдали сразу, так что не пришлось переживать о деньгах на извозчика.

Дом встретил хозяйку тишиной и хлопающей на ветру дверью. Они даже прикрыть ее как следует не удосужились! Хорошо еще, что воры не забрались!

Али обхватила руками озябшие плечи и долго смотрела на осколки, разбросанные по полу кухни. На глиняных черепках играли весенние лучи солнца — беспечные, равнодушные. Такие же, как люди, которые изо дня в день проходили мимо других, не интересуясь, нужна ли помощь.

Воспоминания навалились с новой силой. Тяжелое тело Игберта Фрима, его прерывистое дыхание, странные, будто стеклянные, глаза. Ощущение собственной беспомощности, что сковывало тело крепче любых кандалов.

Затем Алита подумала о Шивоне. С кем и куда она убежала? Как давно задумала свой рискованный и безрассудный поступок?

Могла ли Рона тоже сбежать?

Али сделала несколько шагов, села на колченогую табуретку и обвела взглядом кухню. Это место больше не казалось ей убежищем. Теперь его можно покинуть. А воспоминания о детстве, о сестре, об их прежней жизни не привязаны к дому. Их Али собиралась унести с собой — туда, где протекали последние дни Роны, где хранилась отгадка тайны ее гибели, где обитал виновник, не понесший наказания.

Алите особо не с кем было попрощаться в столице, но навестить перед отъездом тетушку Гридиссу она решила обязательно. Нашла в шкафу симпатичную посуду, которой не пользовалась в повседневном обиходе, и понесла в качестве прощального подарка. Вечером, после того, как немного передохнула и, согрев воду, смыла с кожи невидимые, но почти ощутимые следы прикосновений и поцелуев Фрима. Укрепляющий отвар, как и собиралась, приготовила, но добавила столько трав, что тот получился слишком темным и горьким, как полынь. Зато аппетит после него пропал окончательно, так что за ужином с соседкой Али смогла проглотить лишь несколько ложек рагу с морковью и картошкой.

— Ты точно уверена, что хочешь туда ехать? — пытливо спросила тетушка Гридисса, удивившаяся решению Алиты почти так же, как и начальник.

— Да, совершенно точно.

Голос не дрогнул, прозвучал твердо, но сердце в груди снова томительно сжалось. Думала, будет не так уж трудно собрать немудреные пожитки и оставить родной дом, однако холодный ветерок страха упрямо заползал в душу. Али напомнила себе о том, что назначение на работу в Бранстейн и являлось ее целью. Ради этого она не жалела себя и терпела унижения от сослуживцев. Давно ждала возможности попросить о том, чтобы ее отправили в тот город, разве что не предполагала, что желаемое будет сопряжено со случившимся с ней за последнее время. Магическое истощение, визит Фрима, новость о Шивоне. Не слишком ли много?

— Я справлюсь, — произнесла Али и ласково сжала потемневшую от прожитых лет и забот руку соседки. — Обещаю. Не беспокойтесь за меня.

— Да как не беспокоиться?! Я же вижу, как ты тут совсем одна... Глядишь, вышла бы замуж, завела деток. Эх, что теперь говорить? — вздохнула тетушка Гридисса и вдруг промокнула глаза вышитым платочком. — Письма хоть пиши.

— Обязательно, — от души пообещала Алита.

— Может, еще и сложится все, какие твои годы? Нельзя ведь жить только прошлым. Надо и в будущее поглядывать.

Али смолчала, проглотив рвущиеся с губ слова.

Они собирались разделить грядущее с Роной, всегда быть вдвоем, поддерживать друг друга. Лишившись сестры, Алита почувствовала себя оторванной от надежных корней веткой. Такую можно пересадить в другую землю, но кто даст гарантию, что та приживется и не погибнет?...

Соседка отправилась заваривать чай, оставив гостью сидеть за столом, накрытым старенькой, но чистой скатеркой. Изображенные на ней голубки с золотыми кольцами и алыми лентами до сих пор оставались модным рисунком, изделия с ними дарили на помолвки и свадьбы. Мысли Алиты вернулись к тому, что она узнала о Шивоне. Стоил ли тот человек, с которым та убежала, риска и отказа от безбедного будущего? Или подруга уже пожалела о том, что сделала?

Сама Али еще ни в кого не влюблялась. Когда-то в академии она втайне мечтала о встрече с добрым и красивым человеком, но ее фантазии были оторваны от жизни примерно так же, как детские утверждения, будто на хлебном дереве растут сдобные булки. Если Шивона встретила мужчину своей мечты, то почему он не попросил ее руки официально?

Принадлежал к другому кругу? Но что будет с ними, если кто-то из этих двоих посчитает сделанное ошибкой, которую уже не исправить?

— Что-то ты невесела, — сказала тетушка Гридисса, расставляя на столе чашки, окружившие пузатый заварочный чайник, точно цыплята наседку. Хоть их было всего двое, женщина принесла целый гарнитур, разрисованный изображениями садовых цветов. — Как себя чувствуешь?

— Хорошо, — отвлекаясь от размышлений о нелегкой судьбе Шивоны Лаберд, отозвалась Алита. Наверное, ей следовало бы сердиться на то, что ее едва не объявили пособницей, но отчего-то не получалось. У нее хотя бы имелся выбор, становиться женой Киллиана Ристона или пойти другим путем, а Шивоне, должно быть, такого не предоставили, что и довело девушку до отчаяния. — Как вы думаете, почему люди рискуют всем ради любви? Может быть, она делает их безумцами?

— Любовь-то? — удивилась тетушка. Села на свое место, скрипнув стулом, подперла голову рукой и задумалась. — Она разная бывает...

— Как это?

— Прежде о чувствах никто и не думал, люди женились, потому что так положено. Вы сейчас читаете романы да умные слова знаете, а раньше... Вот представь себе лесную тропинку — вокруг кусты и деревья, листья шепчутся, кличут в дорогу. Кто-то за всю жизнь так и не решается ступить на эту тропу, обходит ее стороной, другие сломя голову бегут по ней, а третьи неторопливо шагают рука об руку с тем, кто позвал за собой. Только никто не знает, что там впереди, к чему тропка их приведет.

— Все равно не понимаю.

Снова вспомнился Фрим. Заныли оставленные им синяки под рукавами платья. Если между супругами происходят такие вещи, как можно вступать в брак по своей воле? Лучше уж монастырь. Или оставаться старой девой и нянчить племянников.

Вот только у нее их нет и уже никогда не будет.

Позже, попрощавшись с соседкой, Али вернулась домой и вытащила из хранившейся под кроватью резной шкатулки медальон, подаренный Роной перед тем, как сестра навсегда покинула столицу. Тот выглядел скромно — гладкий овал из серебра с простым узором по краю. Внутри лежал локон волос, таких же волнистых и рыжих, как и у самой Алиты.

В памяти ожили слова сестры:

— Если со мной что-то случится, он потемнеет.

Алите сообщили о том, что Рона утонула, на следующий день после того, как это произошло. Но серебряный медальон стал темным и тусклым за несколько дней до известия из Бранстейна. А еще Али знала, что сестра боялась воды, ее смешили громоздкие купальные костюмы, и она ни за что не пошла бы плавать в море.

Бранстейн, следующий день

Донесение легло на стол Киллиана Ристона, градоправителя Бранстейна, уже ранним утром. Правда, сам он на тот момент находился в другом месте, а пришел и обнаружил листок позднее, так что пронаблюдать за его реакцией на изложенную на бумаге важную информацию оказалось некому. Можно было только догадываться.

— Заключим пари? — предложила Джайна, угощая Аэдана Ристона, кузена Киллиана, сытным обедом.

— О чем? — полюбопытствовал он. Все внимание молодого, обладающего здоровым

аппетитом мужчины сосредоточилось на уставленном посудой подносе и наполнивших столовую вкусных запахах, из-за чего слова девушки поначалу пролетели мимо ушей. — Что за пари?

— Да посмотри же ты на меня! — вспыхнула она. Предками молодой особы были южане, потому та отличалась горячей кровью и пылким нравом, впрочем, долго сердиться не умела. — Ставлю на то, что Киллиан запретит ей сюда приезжать.

— Ты должна называть его альд Ристон, а не по имени, — отозвался Аэдан, но собеседница только фыркнула. Она знала обоих еще с раннего детства, когда ее отец, назначенный управляющим, впервые перешагнул порог фамильного особняка Ристонов, вот и позволяла себе вольности в обращении. — Это назначение из столицы, и он не сможет его оспорить.

— Скажешь тоже! — не согласилась с ним Джайна с такой горячностью, словно от решения кузена зависело все ее будущее, и гордо вздернула голову. — Захочет — сможет. Так что если Алита Дален все же явится в Бранстейн, значит, он не возражает. А раз Киллиан не станет прекословить, выходит, что-то задумал, — размышляла она вслух, наматывая на палец прядь черных, как безлунная ночь, волос. — Любопытно.

— Возможно, мы осведомлены не обо всем, — предположил Аэдан, добравшись наконец-то до содержимого тарелок и супницы. Над ними поднимался ароматный парок, и он мысленно отвесил комплимент кухарке. Следовало напомнить Киллиану, чтобы выписал ей щедрую премию.

— Она могла выйти за него, но отказала! — Джайна, не в силах усидеть на месте, вскочила со стула и принялась мерить шагами просторное помещение. — Отказала — и кому?! Да любая бы на ее месте... Здесьние девицы на выданье от радости до потолка прыгали, когда узнали, что он овдовел!

— Ему до них и дела нет, — заметил Аэдан.

— Да где это вообще видано, чтобы незамужняя девушка работала в Службе Правопорядка? Там же одни мужчины! Как ей может нравиться постоянно находиться среди них, будто... будто... — Джайна, судя по всему, собиралась подобрать какое-то не самое приличное сравнение, но смолчала. Вновь присела за стол напротив собеседника и чинно сложила руки на коленях, выдавая свое волнение лишь тем, что невольно покусывала алые губы, служившие предметом восхищения местных молодых людей, ни одному из которых она не давала ни малейшего шанса.

— Нет, — сказал он ей, наполняя бокал яблочным сидром из кувшина. Домашний напиток удался на славу. В меру крепкий, ароматный, с терпкой медовой сладостью, надолго остававшейся на языке.

— Что нет? — встрепенулась Джайна.

— Нет, я не стану заключать с тобой пари. Ни сегодня, ни завтра. А еще ты можешь смошенничать, — добавил, наблюдая за гаммой эмоций на ее живом, подвижном лице.

— Когда я мошенничала?!

Аэдан в ответ только улыбнулся.

— Интересно, а Киллиан-то пообедал? — произнесла она. — Или ему после таких новостей кусок в горло не полез? Как думаешь, она ведь... она ничего не знает?

— Ей сказали, что ее сестра пошла купаться в море, но внезапно начался шторм и она утонула. Так что последи за своим длинным языком, когда вы познакомитесь, — твердо проговорил он и отодвинул поднос чуть более резким движением, чем требовал изысканный

дорогой фарфор, который жалобно звякнул от такого обращения. — Спасибо за обед.

Аэдан поднялся и направился к двери, спиной чувствуя обращенный на него взгляд Джайны. Возможно, его слова обидели ее, но хорошо, что первым сказал ей их он, а не Киллиан. К тому же она сама заговорила об этом, хотя следовало бы помалкивать и постараться забыть. Все в прошлом и никогда не вернется. Или?...

Нет, не вернется.

Любопытно все-таки, какова из себя эта Алита? Похожа ли на сестру? И почему она выбрала столь мало подходящую для девушки работу? Неужели из нужды? Только ли неуместная в ее положении гордость послужила причиной того, что она отказалась становиться супругой Киллиана Ристона?

Джайна сказала чистую правду — на мужчин из их рода велась самая настоящая охота, долгая и изощренная. Едва начавшие выезжать юные альды и их почтенные родительницы спали и видели, как бы окольцевать кого-нибудь из них. А также весьма огорчились и озадачились, когда Киллиан привез жену из столицы.

Море начиналось неподалеку от особняка. Развертывалось перед идущим бесконечным синим полотном до самого горизонта, омывало скалистые берега и неумолчно пело свою загадочную песню. Сейчас оно было беспокойным, таким же, как одолевавшие Аэдана тревоги. Ему не досталось ни капли семейного магического дара, он родился другим, с глазами темными, а не светлыми, как у прочих Ристонов. Но в интуиции ему нельзя отказать, и в эти минуты она твердила: что-то приближается.

Али, сколько себя помнила, никогда не уезжала из столицы. Там прошла вся ее жизнь от детских лет до нынешних. Школа, академия, работа.

Впереди ожидал чужой, незнакомый город. Бранстейн. Место, которое отняло у нее сестру и надежду на счастье.

От Роны пришло всего несколько писем. Коротеньких, лаконичных, написанных будто бы второпях на дорогой веленовой бумаге, блестящей и гладкой. В них сестра рассказывала о том, что живет в большом особняке, прекрасном и величественном, точно королевский дворец, стоящем невдалеке от берега моря.

«Тут я самая настоящая госпожа, так что все уважают меня и выполняют любые желания, — читала Алита, спрятавшись за длинную тяжелую занавеску в холле академии, где подоконники были наиболее широкими и удобными. — Ты ведь помнишь, как нас учили? Женщина не в силах поднять своего супруга до занимаемого ею в прошлом положения. Она лишь может опуститься до его уровня. Однако мужчина — совсем другое дело! Он, будто парус на корабле, поднимает за собой жену, какое бы низкое положение она ни занимала до брака. Теперь я убедилась, что это истинная правда, и не нам с нею спорить».

Прежде, читая эти письма, Али одновременно радовалась и тревожилась за Рону, теперь — искала в них что-нибудь подозрительное, могущее указать на скрытую за словами разгадку смерти молодой женщины. Жадно перечитывала, будто хотела отыскать ответ между строк и не находила его. Одно являлось очевидным — в Бранстейне что-то произошло. Еще до того дня, когда, по уверениям, сестра отправилась к морю и не вернулась. Но что же именно и где та зацепка, за которую можно ухватиться и, следуя за ней, словно по дорожке из хлебных крошек, найти того, кто виновен в случившемся?

Сидя в вагоне поезда возле окна, из которого открывался дивный вид на луга и леса, Алита перебирала письма сестры, как драгоценные сокровища, а временами даже украдкой прижимала их к лицу, пытаясь уловить ускользающий запах ромашки. Последнее письмо, отправленное из Бранстейна, оказалось самым коротким из всех. Будто Рону что-то беспокоило, но говорить об этом прямо она почему-то не захотела.

— Чай! — Одна из проводниц в форменном темно-синем платье и накрахмаленном фартуке поставила на столик перед пассажиркой высокий стакан в звякнувшем от движения поезда медном подстаканнике. Напиток на солнце казался янтарным. — Осторожно, горячий!

— Благодарю. — Али отвесила вежливый кивок и пригубила чай. Крепкий, чуть горьковатый. Хорошо, что без сахара.

— Нужно что-нибудь еще? — осведомилась женщина.

— Нет, спасибо. Скажите только... До Бранстейна еще далеко?

— Далековато. Он ведь на самой границе королевства, дальше только море, а за ним чужие земли. Отдыхать едете?

— Работать.

Собеседница не удивилась. Этим утром Алита выбрала простое закрытое платье немаркого черного цвета с зеленой отделкой, так что ничем не напоминала обеспеченную особу, не имеющую нужды в том, чтобы самостоятельно добывать себе пропитание. Поношенная шляпка, ботинки и чемодан с вещами также не выглядели богато.

— Хорошей дороги! — пожелала служащая и зашагала дальше по коридору вагона. Али проводила ее взглядом. Ей, впервые отправившейся в дальнейшее путешествие, все было в новинку — и мерный стук колес, и обитые бархатом сиденья для пассажиров, и шумные коробейники, которые заглядывали в поезд на станциях, наперебой предлагая купить горячие пирожки, всевозможные сладости и свежую прессу.

Здесь ключом была жизнь. Всех влекла за собой дорога, долгая и непредсказуемая, волнующая, полная свиданий и разлук. Сквозь оконное стекло Алита видела, как спрыгивали с подножек дети, как озарялись улыбками лица встречающих, как тайком смахивали слезы провожающие, а кто-то, не стесняясь, плакал в голос. Временами ей хотелось сойти с поезда, задержаться, а то и вовсе остаться в каком-нибудь маленьком городке с крохотным вокзалом и казавшимися такими уютными домиками. Но ее нигде и никто не ждал.

Али в несколько глотков допила чай и спрятала письма, тщательно сложив каждое из них. Снова вспомнилось, как она радовалась, получая их, как опрометью бежала, зайдя в окно почтальона, и сердилась на обязательную проверку корреспонденции девушек из академии. Воспитательницы прекрасно знали, что ей приходят послания от сестры, а не от какого-нибудь кавалера, однако все равно самолично вскрывали письмо за письмом и лишь после этого отдавали тем, кому они адресованы.

После окончания академии никого уже не интересовало, кто ей пишет, вот только отправлять весточки стало некому.

На очередной станции в поезд села семья, состоящая из родителей и двух дочерей. Старшей, на вид лет пятнадцати-шестнадцати, очень не терпелось рассказать о чем-то другой, немного младше. Поначалу они лишь шептались, затем та заговорила громче, и Алита, не желавшая подслушивать, невольно разобрала прозвучавшую в разговоре фамилию.

— Младший Ристон — просто красавец. Увы, едва ли ему позволят жениться раньше кузенов. Впрочем, они тоже хороши собой, только старше, — добавило юное создание с мечтательной улыбкой и светлыми кудряшками, на укладку которых наверняка потратили немало усилий.

— Но ведь самый старший уже вдовец, — отозвалась младшенькая.

— Зато из всех троих он самый завидный жених, — резонно заметила собеседница. Али отвела глаза, но разговор успел ее заинтересовать. Судя по всему, новые попутчики тоже направлялись в Бранстейн.

Слушать чужой разговор было не слишком-то удобно, однако спустя несколько мгновений Алита заключила сделку с совестью, решив, что неблагоприятное занятие можно отнести к сбору информации при расследовании. Тем временем глава семьи углубился в чтение газеты, а его жена вынула из объемистой сумки новый модный роман, пахнущий свежей типографской краской, и раскрыла его. Дочери вполголоса продолжали беседу.

— Да, самый выгодный, — повторила юная особа, похлопывая себя кончиками пальцев по вздернутой верхней губе.

— А что ты знаешь о супруге старшего альда Ристона?

— Только то, что она не из Бранстейна. Кажется, из Телла. Но неизвестно, откуда она взялась и как они познакомились. Просто однажды он привез ее в город и во всеуслышание объявил о свадьбе. Не удивлюсь, если однажды подобное случится снова, ведь альд Ристон не стесняется демонстрировать безразличие к местным девушкам. Наверное, считает глупенькими простушками, — добавила она, и обе дружно вздохнули. — А может быть, все дело в магии...

— В магии? — горячо заинтересовалась собеседница.

— Ты ведь знаешь, что все Ристоны обладают магическим даром. Ну, кроме одного. Самые сильные маги те, у кого это передается по наследству, а они как раз такие. Потому поговаривают, что, возможно, альд Киллиан Ристон и жениться решил на той, чей дар сочетался с его наилучшим образом. Но кто знает, правда или домыслы, — снова вздохнула она и зевнула, изящно прикрывая рот рукой.

Али, воспользовавшись возникшей в разговоре паузой, смахнула выступившие на лбу капельки пота. О таком она не задумывалась. Если допустить, будто Ристон подбирал супругу исключительно по принципу магической совместимости, становится понятно, почему он с его привилегированным положением, богатой семейной историей и высоким доходом взял себе жену, обладавшую только старым домом да происхождением, которого можно не стыдиться. А еще — даром. Если Ристона в ней интересовало только это...

Мысли теснились в голове, как пузырьки кипящего под крышкой отвара, виски сдавило внезапной болью, и Алита впервые в жизни пожалела о том, что не носит с собой нюхательную соль, как принято среди благородных альд. Зато необходимое нашлось у попутчиков, которые заметили, что ей плохо, и предложили свою помощь. Али смутилась нахлынувшей на нее слабости, но не отказалась. Затем они познакомились, и ее предположения подтвердились. Семья Лекут жила в Бранстейне, куда и возвращалась, погостив у родственников.

Старшую девушку звали Карин, и она с нетерпением ждала того дня, когда станет дебютанткой. До него оставалось не так уж много времени, и ее гардероб был уже почти готов к тому, чтобы затмить остальных и сделать свою обладательницу самой красивой молодой альдой в высшем обществе родного города. Разумеется, родители не жалели денег, считая покупку нарядов и украшений выгодным вложением в будущее дочери. Видя оживление на лицах сестер, Алита ощутила, как ее в самое сердце кольнула отравленная иголочка зависти. Они с Роной никогда не бывали на их месте.

— Рада за вас, и еще раз большое спасибо, — произнесла Али.

— Не стоит благодарности, — отмахнулась мать семейства. — Должно быть, вы впервые отправились в столь дальнюю дорогу? От поездов иногда такое случается — вдруг начинает мутить, кружится голова, а земля точно уходит из-под ног.

— От морских путешествий эти симптомы сильнее, — с важным видом заметил ее супруг.

— Так и есть! — подхватила Карин. — Никогда не забуду ту экскурсию на остров. Я думала, что меня вывернет наизнанку!

— О таком не говорят вслух, — осадил ее мать, но девушка только скорчила гримаску и украдкой подмигнула Алите, словно заговорщица.

— Так, значит, вы собираетесь работать в Бранстейне? — снова вставил реплику альд Лекут. В его басовитом голосе прозвучали неодобрительные нотки. Похоже, он не считал новую знакомую подходящей компанией для дочерей.

— Да.

— В Службе Правопорядка! — Карин хихикнула. — Будьте уверены, много работы вам не предстоит. Наш городок — место тихое, как болото. Я сама слышала, что ваши будущие коллеги режутся в карты прямо в конторе.

— Карин! — укорила дочь альда Лекут. — Не слушайте ее. Само собой, мы немного удивлены, что молодая девушка выбрала подобную работу, но, видимо, столичные порядки

вполне позволяют...

— Должен ведь кто-то и этим заниматься.

Али заметила взгляд собеседницы, скользнувший по скромной одежде и дорожной поклаже соседки по вагону. Она привыкла к таким и постаралась не обращать внимания. Не всем же быть богатеями, как Ристоны.

— Вы знакомы с кем-нибудь в Бранстейне? — поинтересовалась младшая дочь по имени Фенна.

Алита покачала головой. Нельзя сказать, что она знает Киллиана. Он никогда не встречался с ней лично, не прислал ни одного письма, лишь отправил поверенного, который рассказал о смерти Роны и передал брачное предложение.

— Тогда вам будет непросто, — со вздохом проговорила Карин. — В Бранстейне недолюбливают чужаков. Но вы можете приходить к нам, — добавила она с вопросительной интонацией, обращаясь скорее к родителям, нежели к попутчице.

— Конечно, можете, — поддержала ее мать, а отец лишь с видимой неохотой кивнул, очевидно, решив, что со Службой Правопорядка лучше не ссориться.

В ответ Али улыбнулась и поблагодарила всю семью за приглашение. Дальнейший разговор касался в основном новостей из столицы, о которых провинциалы узнавали из газет, а следом появилась проводница и объявила, что пассажиры должны приготовиться. Скоро Бранстейн.

Поезд прибыл в Бранстейн. Ступив на подножку, Алита подумала о том, как протекал приезд Роны в приморский город на границе королевства. Так же ли она сходила с поезда, вдыхая незнакомый воздух, даже на железнодорожной станции казавшийся куда более свежим, чем в столице, где чадили заводы? Так же ли осматривалась по сторонам, отмечая, как мало здесь носильщиков, и то, в какой яркий оттенок зеленого выкрашена крыша приземистого станционного домика? Так же ли задавалась вопросом, кому поставлен памятник, возле которого лежали букеты свежих цветов?

Но Рона была не одна. Ее сопровождал жених. Любопытно, как он себя вел? Держал ли невесту за руку или под руку? Улыбался ли ей? Хорошо ли они смотрелись вместе? Вероятно, на них тут пялились во все глаза, ведь Ристон в Бранстейне важная персона и вокруг немало желающих отдать ему руку, сердце и приданое до последней монетки.

Сестра почти ничего не рассказывала о супруге ни тогда, когда сообщила, что выходит замуж, ни в письмах. Говорила о красоте старинного дома, о новых нарядах, о том, что, как и положено настоящей хозяйке усадьбы, составляет меню на неделю, а продукты здесь всегда свежие. Особенно расхваливала устрицы. Алита никогда их не пробовала. Да и не тянуло, если честно.

Таким образом, Ристон оставался полнейшей загадкой. Неизвестно, чего от него ожидать и знает ли он вообще, что младшая сестра Роны приехала в город. В любом случае следовало быть настороже.

— Вас встречают? — поинтересовалась Карин.

— Нет, — покачала головой Али. — Я должна добираться сама. У меня есть адрес.

— Мы бы могли подвезти, — с той же неуверенной интонацией сказала девушка и бросила взгляд на отца, который отреагировал примерно так же, как и на обещание пригласить новую обительницу Бранстейна в гости.

— Спасибо, но... — Алита тщетно старалась подобрать отговорку, но внезапно Фенна с еще не покинувшей ее детской непосредственностью схватила девушку за руку и потащила за собой. Оставалось только быстро переставлять ноги и стараться не разжать пальцы от тяжести чемодана.

В карете сестры щебетали без умолку, наперебой рассказывая Али о городе и показывая в окно достопримечательности, мимо которых они проезжали. Бранстейн ничем не напоминал Телл. Все казалось другим — растения, что росли и цвели здесь буйно, точно в тропиках, невысокие дома из красноватого кирпича, неестественно-яркое синее небо с перышками облаков. Никакого дымного смога, унылых однотипных строений и толп народа, к которым Алита успела привыкнуть в столице. Теперь она поняла, отчего проводница высказала предположение, будто пассажирка едет сюда отдыхать, ведь в таком городе, как этот, наверняка располагалось немало количество курортных пансионатов.

Али поймала себя на предательской мысли, что не отказалась бы хоть денек побыть на месте тех, кто прибывал сюда для того, чтобы поправить здоровье. Наверное, им Бранстейн приносил долгожданное отдохновение и гармонию, а вовсе не то, что ей. Смятение, тоску и похожее на сосущий голод желание во что бы то ни стало узнать правду о случившемся с Роной.

Пока у Алиты не имелось никаких улик. Медальон? Но кто поверит, что тот потемнел

раньше указанного времени, если против ее слова будет слово Киллиана Ристона? Странные недомолвки в письмах? Там тоже нет никаких обвинений в чей-либо адрес или утверждений, будто старшей сестре грозила опасность, поэтому все домыслы младшей могут назвать выдумкой, а ее саму объявить лишившейся здравого смысла, а то и рассудка.

— Красиво у нас, правда? — произнесла Карин, и Али кивнула, соглашаясь. Да, Бранстейну нельзя отказать в красоте. Уютный и чистый провинциальный городок, который мог бы показаться раем на земле, если бы не...

— А все благодаря нашему градоправителю альду Ристону, — с благоговением заметила собеседница, поправляя растрепавшиеся от дороги льняные кудри. — Говорят, он работает на износ. Совсем не жалеет себя, — сочувствующе добавила она.

— Я надеюсь, его служебное рвение по достоинству вознаграждается, — сухо отозвалась Алита. — Но все же нельзя отрицать, что львиной долей своей привлекательности Бранстейн обязан живописной природе. А к ее созданию альд Ристон руку не прикладывал.

— Да что вы такое говорите?! — возмущенно воскликнула Карин. — Я уверена, что, даже отправь альда Ристона в самое жуткое и неприглядное захолустье, он бы и из того сделал райский уголок! Как можно в нем сомневаться?

— Сомнения свойственны человеческим существам, детка, — вступил в разговор отец девушки вполне спокойно и миролюбиво, но от внимания Алиты не укрылось то, каким взглядом он ее одарил. «Подозрительная особа, — так и горело в его серых, как у дочери, глазах. — Надо бы сделать так, чтобы Карин и Фенна с ней не подружились».

Али едва не сказала вслух, что не набивается в подруги к его дочкам, но промолчала. Лишь отвернулась к окну, продолжая разглядывать город и думать о Ристонах. Их, как она успела узнать, всего трое: кузены, все в данный момент неженатые и весьма обеспеченные. Алита произносила про себя их имена, такие разные и похожие одновременно. Киллиан — звучит, словно на язык положили льдинку. Аэдан — вспыхивает огоньком. И наконец, младший, красотой которого так восхищалась Карин, — Томиан, должно быть, самый избалованный и испорченный из всех. Пока остальные двое работают, он развлекается и проникает в сны юных мечтательных альд. А если вспомнить, что он тоже маг, то можно предположить, что молодой человек делает это и в буквальном смысле.

Новые знакомые доставили Алиту прямо к крыльцу здания, которое выглядело несколько скромнее, чем то, где ей приходилось трудиться прежде. Более того, оно даже не охранялось. Во всяком случае, постовых рядом не наблюдалось, а ведь в столице окрестности конторы Службы Правопорядка всегда кто-то патрулировал.

— Здесь вам не Телл, — произнесла Карин, словно догадавшись, о чем с озадаченным видом задумалась Али, и сердечно пожала ее руку. — Желаю всего самого лучшего на новой работе, больших успехов и здоровья! Не забывайте нас!

— Вот, возьмите! — Фенна вложила ей в руку карточку с адресом дома семьи Лекут. — Будем рады видеть вас у себя в любое время!

Ее мать приподняла брови, но никак не прокомментировала слова младшей дочери. Али со всей вежливостью, на которую только оказалась способна в данный момент, попрощалась с попутчиками и проводила взглядом скромную, но удобную карету. Здесь, в провинции, их еще не потеснили более современные виды транспорта.

Скрипучая дверь отворилась, стоило лишь толкнуть ее. Алита задержалась на пороге, чувствуя, как ставшая вдруг тесной одежда сдавливает тело, а между лопаток стекает

капелька пота. Но долго медлить не хотелось, и девушка, глубоко вдохнув, вступила в темный коридор, пахнувший пылью и старой бумагой.

Здесь ее не ждали. Она сделала этот вывод, увидев задремавшего на посту дежурного и прищипленный к массивной двери лист, гласящий, что начальства нет на месте. Больше никого в обозримом пространстве не наблюдалось. Стояла такая тишина, что можно было услышать жужжание мухи. По стенам, внося некоторое оживление, скакали солнечные зайчики.

Решив не будить спящего, Али расположилась на одной из неудобных скамеек для посетителей и еще раз обвела взглядом помещение. Ремонт тут, похоже, делали не так уж давно, но аккуратностью работники себя не утруждали. Повсюду пыль, грязные следы на полу, мутные стекла в окнах. У них уборщицы, что ли, нет? Алита отогнала от себя неприятное подозрение, что на нее могут свалить еще и эти обязанности, и устало потерла ладони. На правой четко выделялся след от ручки чемодана. Все мышцы ныли, недавняя слабость после магического истощения снова напомнила о себе, и отчаянно захотелось поскорее оказаться там, где можно будет смыть с кожи и волос дорожную грязь, сменить одежду и выпить чего-нибудь горячего.

Громко хлопнула дверь, зазвучали шаги.

— Энар, долго еще будешь дрыхнуть?! Чем, хотел бы я знать, ты занимался ночью? А вы еще кто?

Али смотрела на крупного мужчину с круглым лицом и короткой шеей, который похозяйски вломился в помещение и не сразу, но все же заметил ее. Она догадалась, что это ее будущий начальник, и, поднявшись, поклонилась ему. Альда Кирхилда тот ничуть не напоминал.

— С жалобой пришли, что ли? — предположил он. — Вас ограбили? И много украли?

— Нет-нет! У меня ничего не украли. Я — Алита Дален.

— И что?

— Вас разве не известили? Я приехала из столицы. Буду у вас работать.

— Ах да, точно, — отозвался собеседник, запуская пальцы в и без того разлохмаченную рыжеватую шевелюру. — Совсем из головы вылетело. Я — Лейв Нодор.

— Готова служить вам, альд Нодор.

— До чего же церемонно вы разговариваете! — фыркнул он. Глянул на зевающего подчиненного и принялся отпирать дверь кабинета. — Давно ждете?

— Не очень.

Альд Нодор жестом пригласил ее в кабинет, выглядевший продолжением приемного помещения и пропитанный табачным дымом. Вошел следом за ней, сел на свое место, похлопал рукой по вороху бумаг на столе. Али рассматривала окружающую обстановку, заняв стул по другую сторону стола. Вспомнилось, что совсем недавно она вот так же сидела напротив альда Кирхилда, ожидая его решения касательно ее дальнейшей судьбы, а сейчас все изменилось — другой человек, не та комната, иной пейзаж за окном. Странно и непривычно вообразить жизнь здесь, стать частью этого места.

— Я привезла свои документы, — поспешила сообщить Алита, чтобы ее не приняли за самозванку.

— Да я вам верю, — отмахнулся альд Нодор. — Думаете, много желающих сюда наняться? Особенно среди девушек. Вы там у себя в столице люди прогрессивные, за права женщин ратуете, а у нас о молодых особах заботятся родители и мужья. Да и у сирот обычно

какие-нибудь родственники находятся, чтобы не приходилось идти на службу.

Али уже представляла, что он скажет дальше. Что те несчастные, у кого нет ни обеспеченных родных, ни перспективы замужества обычно идут на другую работу. Ткать полотно или нянчить детей, например. А можно еще камеристкой к знатной альде. На такой службе и на одежду тратиться не нужно, будешь донашивать платья за хозяйкой.

Но альд Нодор сказал, вернее, спросил совсем другое:

— Где вы будете жить?

— Я думала, вы мне скажете, — удивленно, но уже начиная что-то подозревать, ответила Алита.

— Почему?

— Я ведь приехала на работу к вам. По назначению. А мой дом остался в столице.

— Работа — мое дело, а жилье — ваше. Попробуйте снять у кого-нибудь квартиру. Только сомневаюсь, что получится, сезон ведь уже начался, а наши кумушки предпочитают сдавать комнаты только временно, весной и летом. Можете умаслить их тем, что заплатите за полгода вперед. А лучше за год.

— Но у меня нет таких денег! — окончательно растерялась Али.

Дверь скрипнула, в кабинет заглянул дежурный.

— Прошу прощения. К вам альд Ристон. Требуется принять его прямо сейчас.

— Который? — осведомился начальник.

— Альд Киллиан Ристон.

Услышав известие, начальник снова запустил руку в гнездо спутанных волос. Али с трудом поборола неуместный порыв юркнуть под стол. Дежурный покорно ждал у двери.

— Пригласи его.

— Но постойте, вы ведь еще со мной не договорили, — возразила Алита, но с таким же успехом она могла бы попытаться остановить снежную лавину.

— Альд Ристон — не тот, кого можно заставить ждать в приемной. — Глава Службы Правопорядка не желал откладывать встречу с визитером, даже если та и не была назначена заранее. — Вы в нашем городе человек новый, и вам простительно не знать. Но только на первый раз, впредь имейте в виду, что он здешний градоправитель и его просьбы должны выполняться в первую очередь.

Али проглотила рвущиеся с губ едкие слова и отвернулась к окну. После беседы с семьей Лекут стало очевидно: говорим «Бранстейн» — подразумеваем «альд Ристон». Ничего удивительного, если окажется, что смерть Роны признали несчастным случаем исключительно со слов ее мужа, то есть уже вдовца.

Прозвучали шаги. Уверенные, решительные. Алита ощутила, как сердце, казалось, застучало где-то в горле, а вовсе не в положенном месте. Она изо всех сил сжала руки и поморщилась от боли, когда снова дали о себе знать последствия самостоятельного таскания чемодана. До чего же не вовремя!

Не так, совсем не так Али планировала познакомиться с этим человеком. Не после долгой дороги, измотанной, в запылившейся одежде. Но усталость не должна помешать ей встретить его с гордо поднятой головой.

Алита вскинула взгляд на вошедшего в кабинет и не смогла сдержать изумления.

Почему-то градоправитель Бранстейна представлялся ей значительно старше. Даже восхищение им сестренки-попугаиц она мысленно пыталась объяснить его высоким положением, ведь, как известно, никого не удивляли браки со значительной разницей в возрасте, если мужчине было что предложить юной невесте. Но этот человек выглядел не старше тридцати четырех.

Высокий, настолько, что Али пришлось не просто подняться с места, но и задрать голову, чтобы как следует рассмотреть. Атлетическая фигура удачно подчеркнута безупречно пошитой одеждой. Рубашка такая белая, точно ее тщательно выстирали, отгладили и накрахмалили буквально только что. Все остальные предметы гардероба строгие и черные. Серебряная цепочка для часов блестела так ярко, что невольно заставляла вспомнить о тусклом медальоне, оставленном сестрой перед ее отъездом в Бранстейн.

Темные волосы зачесаны назад, и на контрасте с ними яркие синие глаза. Прямой нос крупноват, но ничуть не во вред внешности, а совсем наоборот. Кончики ушей слегка заостренные. Эльфы у него в роду затесались, что ли? Только этого не хватало.

А еще Али чувствовала его магию. Несмотря на то, что они не прикасались друг к другу, даже стояли на некотором расстоянии, невозможным казалось не ощутить сердцем, кожей, всем своим существом ту силу, что исходила от него. Вот только распознать, добрая та сила или злая, пока не удавалось.

«Я просто переутомилась, — сказала себе Алита, вежливо кланяясь и делая еще несколько шажков назад, не решаясь пока вновь сесть на стул. — И истощение еще как

следует не долечила. Потому и чувствительность такая... повышенная».

Хотелось бы верить, что так оно и есть.

— Позвольте представить вас, — засуетился альд Нодор, который тоже вскочил с места. — Это наш градоправитель альд Киллиан Ристон, а это новая сотрудница Алита Дален. Прибыла из столицы.

— Я вам не помешал? — осведомился посетитель. Мягко прозвучавший голос оказался глубоким и бархатистым. Должно быть, поклонницы, едва его заслышав, тут же замирали, как загипнотизированный взглядом кролик перед удавом.

— Что вы, совсем нет! — поспешил разубедить его хозяин кабинета. — Мы уже решили почти все вопросы. Говорили о том, что девушке негде жить.

— Как негде? — отозвался собеседник все так же спокойно. Али и ее начальник уставились на него. — Само собой разумеется, она будет жить у меня.

Неизвестно, кто удивился больше. У альда Нодора еще сильнее округлились глаза. Алита уцепилась враз ослабевшей рукой за спинку стула, который покачнулся, но все же устоял на месте.

— Позвольте объяснить, альд Нодор, — произнес Киллиан Ристон, который, должно быть, от души наслаждался их замешательством. — Мою покойную супругу, мир ее праху, до свадьбы звали Роной Дален. Алита Дален — ее младшая сестра. Как я могу оставить свою практически родственницу в столь затруднительном положении? Да меня горожане перестанут уважать за такое.

— Но я не могу... — выдохнула Али, бросив взгляд на начальника, который с озадаченным видом переваривал неожиданную новость. — Не хотелось бы затруднять вас. — Она подбирала слова, с трудом взяв себя в руки. — Да и неприлично будет селиться вместе с одиноким мужчиной, точнее, даже с несколькими, ведь ваши кузены живут там же? — использовала последний, казавшийся ей достаточно резонным аргумент Алита. — Может быть, вам кажется иначе, но я дорожу своей репутацией. Разве не это в нашем обществе считается единственным богатством бедных девушек?

Али повернула голову, чтобы посмотреть на собеседника. Она ожидала почти любой реакции, но никак не такой. Киллиан Ристон смеялся.

— В моем доме живут не только мужчины, но и женщины. Повариха, горничные... Джайна. Кроме того, гостевое крыло находится вовсе не рядом с нашими спальнями. Вам не о чем волноваться.

— Я бы все же хотела снять комнату в городе, — твердо произнесла Алита.

— Сестра моей жены не будет квартировать у кого-либо в Бранстейне, кроме меня, — прозвучал безапелляционный ответ.

— Я правильно понимаю, что одного вашего слова будет достаточно, чтобы никто не сдал мне угол и не пустил пожить даже на пару ночей?

— Совершенно верно.

В академии особое внимание уделяли развитию навыка сдерживать возмущение и гнев. Это требовалось не только для того, чтобы научить воспитанниц вести себя в обществе, но и по причине того, что проявление подобного рода эмоций могло стать причиной неконтролируемого выплеска магии. Последствия грозили оказаться необратимыми.

Али гордилась умением владеть собой, но сейчас едва удержалась от совсем другого поведения. Хотелось закричать, топнуть ногой, швырнуть в Киллиана Ристона довольно крупной и на вид весьма тяжелой чернильницей, так заманчиво стоявшей на столе

начальника. Сделать хоть что-нибудь, чтобы собеседник немедленно передумал брать ее на постой и препятствовать другим обитателям города, способным сдать комнату.

Но тут в голове словно что-то щелкнуло. Появилась мысль, что возникшую неприятную ситуацию вполне возможно обратить себе на пользу. Если она поселится у Ристона, то сможет на законных основаниях осмотреть дом, познакомиться с его родственниками и слугами. Ведь следствие по делу Роны, должно быть, даже не открывали. Тот же альд Нодор наверняка попросту удовольствовался показаниями о несчастном случае на море и не проводил никаких розыскных мероприятий.

— Я согласна, — сделав глубокий вдох, объявила Алита.

— Тогда, думаю, вам пока не стоит здесь задерживаться, — произнес Ристон. — Вы ведь отпустите вашу подчиненную со мной, альд Нодор? Ей нужно отдохнуть с дороги.

— Конечно, конечно, о чем разговор! — ни словом, ни жестом не возразил глава местной Службы Правопорядка.

— Благодарю. Мои вещи... — Али запоздало спохватилась, что оставила чемодан в приемной.

— Энар отнесет их в карету альда Ристона. Отдыхайте и осваивайтесь в городе! — напутствовал ее начальник. Теперь, когда Алита, точно по взмаху волшебной палочки, превратилась из приезжей незнакомки в родственницу Ристонов, пусть и условную, его отношение к ней разительно изменилось. Он даже едва не поцеловал ей руку, как благородной альде, но ограничился формальным рукопожатием. — Жду вас завтра утром.

Как и следовало ожидать, карета Киллиана Ристона оказалась образцом роскоши, и потертый старенький чемодан смотрелся в окружении бархатных сидений черной вороной среди белоснежных лебедей. Али подумала, что и сама наверняка выглядит не лучшим образом. В довершение всего еще и давно разношенные ботинки начали натирать ноги. Ткань платья казалась грубой и прилипала к вспотевшей коже. Наверное, все из-за того, что в Бранстейне в это время года намного жарче, нежели в столице, и дорожный наряд пришелся не по сезону.

— Почему вы забились в самый угол? — иронично поинтересовался Ристон, занимая место в карете. — Я вас не съем. Сядьте поудобнее.

— Мне удобно, — отозвалась Алита. Редкие прохожие посматривали на них, и она с некоторым сожалением задернула тонкую занавеску. — Как вы узнали, что я приехала?

— От меня сложно что-либо утаить.

Его слова прозвучали так, словно речь шла о само собой разумеющемся. Алита невольно задумалась. Не хотел ли тот намекнуть, будто знает про нее больше, чем ей кажется?

— Еще вопросы?

— Кто такая Джайна?

— Что?

— Ее вы назвали отдельно от слуг. Назвали по имени. Выходит, она не одна из горничных.

— А вы наблюдательны, — хмыкнул Киллиан Ристон. — Джайна — дочь моего управляющего. Ей нравится считать себя кем-то вроде экономки и помогать по хозяйству, но жалованья она не получает.

— Вот как... — Любопытно, какие у нее складывались отношения с Роной, если они вообще были знакомы? — А давно она у вас живет?

— С детства.

Али вспомнились разговоры сестричек Лекут. Никаких сомнений, что претенденток на то, чтобы зваться альдой Ристон, множество, и в их числе практически все незамужние девушки городка. Интересно, Джайна тоже среди них?

— Кстати, я уже распорядился приготовить для вас комнату, — произнес Киллиан Ристон. — Почти сразу, как узнал о вашем скором приезде. Думаю, вам понравится.

— Вы совершенно не сомневались, что я соглашусь у вас поселиться?

— Бывают положения, в которых не приходится выбирать, — ответил он, пытливо глядя на нее, и в бликах проникающих в карету солнечных лучей почудилось, будто его глаза потемнели, как предгрозовое небо. Ощущение чужой магии — мощной, яркой, обжигающей — накрыло ее невидимой тенью. Алита поднесла руку к горлу, точно стиснутому чьими-то ледяными пальцами.

— Что случилось?

— Все в порядке, — выдохнула она хрипло и закашлялась.

Ристон без предупреждения обхватил ее запястье, нащупал сбившийся с упорядоченного ритма пульс.

— Это последствия магического истощения?

— Откуда вы... — Али от изумления даже кашлять перестала. — Когда бы вы успели увидеть мое личное дело?

— Тут и без него все яснее некуда, — отозвался он, убирая ладонь. После прикосновения на коже осталось чувство тепла и странного покалывания. — Лечили спустя рукава. Кормили и того хуже. Угадал?

Алита неохотно кивнула.

— Я приглашу своего доктора.

— Не надо. Обычные медики все равно не умеют... такое лечить. Нужны специальные, а их и в столице-то мало.

— Мой умеет.

На возражения сил не нашлось. Оставалось лишь злиться на собственный организм, который подвел ее в столь важную минуту. Но впереди достаточно времени, чтобы поднакопить сил и разобраться, что за место такое Бранстейн, а пока пусть все идет своим чередом.

От мерного движения кареты клонило в сон, и будь Алита в ней одна, давно уже задремала бы, но в присутствии Ристона не хотелось даже прикрывать глаза. Одно она знала твердо — необходимо оставаться настороже. Рядом с этим человеком, с его родными, даже со слугами в доме, где когда-то жила Рона. Каждый из них может оказаться виновным в смерти сестры. Каждый может знать какую-то тайну.

— Что за шум? — поинтересовалась Али, услышав незнакомый гул.

— Море, — ответил Киллиан Ристон. — Вы же еще никогда его не видели, правда? Можете открыть окно.

Бросив на собеседника недоверчивый взгляд, Алита отдернула занавеску. При виде бескрайнего морского простора перехватило дыхание. Вода лишь несколькими оттенками отличалась от неба, с которым море сливалось на горизонте. Покрытые вереском холмы прорезали тропинки, ведущие к песчаному берегу, который выглядел безлюдным. Ни рыбаков, ни купальщиков.

— Это владения Ристонов, — произнес сидящий напротив мужчина, точно прочитав ее мысли.

«Разумеется, а как же иначе?» — фыркнула про себя Али.

— Вы революционерка? — спросил вдруг Ристон, заставив ее изумленно вытаращиться на него. — Ну, знаете, из тех, кто борется за права крестьян и рабочих. И поддерживает уверенных в том, будто все люди в мире должны быть равны.

— С чего вы взяли?

— Кажется, любое упоминание о чем-либо богатстве вызывает у вас нешуточное возмущение.

— Отчего вы так решили?

— Вы еще не научились достаточно хорошо скрывать эмоции. Никогда не играли в покер, правда? — улыбнулся он. — Кстати, почему мы до сих пор так официально обращаемся друг к другу?

Алита приподняла брови и неохотно ответила:

— Хорошо. Можете звать меня на ты и по имени. Но это не значит, что вы тут же станете моим лучшим другом.

— Таких намерений у меня нет.

Дальнейшая дорога проходила в молчании. Вскоре карета подъехала к особняку. Али ожидала, что тот окажется старинным, но, похоже, его несколько раз перестраивали, так что в настоящее время большой двухэтажный дом выглядел вполне современно. Крепкая крыша, арочные окна, колонны перед парадным входом. А еще особняк находился очень близко к морю — так близко, что его жители наверняка слушали колыбельную морских сирен каждую ночь.

В просторном холле, где царил прохлада, их уже встречали. Молодой человек и девушка. В обоих не чувствовалось ни крупицы магии, что почему-то успокаивало.

— Аэдан, мой кузен, и Джайна, — представил их Киллиан Ристон.

Алита отвесила вежливый поклон, внимательно рассматривая встречающих. Девушка с экзотичным именем Джайна не могла не удивить своей красотой, на фоне которой многие уроженки королевства показались бы серыми птичками рядом с павлином. Гармоничные

черты лица и фигуры, кожа цвета щедро сдобренного молоком кофе, большие темные глаза, крупные завитки густых черных волос не прихвачены лентой и свободно разбросаны по плечам, создавая впечатление чего-то вольного, своенравного, неукротимого. «Как море», — подумала Али, переводя взгляд на Аэдана. Его волосы и глаза тоже оказались темными, крепкая мускулистая фигура выглядела по-настоящему мужественной, хотя в росте тот слегка уступал кузену, на левой щеке выделялся тонкий старый шрам.

— Джайна, ты можешь показать нашей гостье ее комнату? — проговорил Киллиан Ристон, заполняя возникшую паузу. — Я распоряджусь, чтобы ее чемодан отнесли туда. Да, и пошли за доктором Глоу.

— Будет сделано, — с интонацией, в которой за послушанием пряталась беззаботная дерзость, отозвалась девушка и взглянула на Алиту. По-женски оцениваяюще, тут же отметив и поношенную шляпу, и стоптанные ботинки. — Прошу следовать за мной.

На второй этаж вела поскрипывающая деревянная лестница с гладкими, точно отполированными, перилами.

— Гостевое крыло в той стороне, — произнесла Джайна. — Вы там будете жить одна. Не бойтесь?

— Кого? — ответила Али, размышляя над тем, что нужно будет осмотреть весь дом.

— Привидений, конечно же! — насмешливо бросила спутница. Ее длинные ресницы чуть опустились, скрывая блеск глаз. — Не могу сказать с уверенностью, что они тут водятся, но ведь всякое же может быть, правда?

— Моя работа научила меня, что порой куда страшнее призраков оказываются живые люди.

— Не мне с этим спорить.

Длинный полутемный коридор привел их к комнате. Та оказалась достаточно большой для одного человека, с кроватью, шкафом, столом — все из добротного материала и почти новое. Окно выходило на море.

— Ванная рядом, за этой дверью, — сообщила Джайна, приоткрывая дверцу, которую Алита сразу не заметила. — Больше никто ею не станет пользоваться, так что можете чувствовать себя как дома. Прислать к вам горничную, чтобы помогла разобрать вещи?

— Нет, спасибо. Ничего не нужно. Я не привыкла, чтобы мне прислуживали.

— Как и я.

Джайна приоткрыла рот, будто хотела сказать что-то еще, но промолчала, лишь обернулась вокруг себя, взметнув подол светло-голубого платья.

— На обед вы уже опоздали, но на ужин успеваете. Когда доктор приедет, его приведут сюда. До вечера!

Когда дочь управляющего вышла, оставив гостью наедине с собой, наступила тишина. Алита еще раз обвела взглядом выделенную ей комнату, светлое дерево мебели, клетчатое, красное с черным, покрывало на кровати, казавшееся очень мягким и теплым. Затем чуть неуверенно заглянула в ванную комнату, где нашлось место большой чугунной ванне, а также целому ряду флакончиков, назначения многих из которых Али даже не знала.

Вдруг вспомнилось и отчаянно, до боли в висках, до выступившей на глазах горячей влаги слез, до комка в горле, захотелось, чтобы все происходило так, как Рона ей когда-то пообещала. Окончить академию и приехать к сестре, в этот дом, а затем найти какую-нибудь работу в Бранстейне. Должно быть, ей выделили бы примерно такую же комнату, если не ту же самую, но все было бы совершенно иначе, не так, как теперь.

Долго размышлять в одиночестве Алите не дали. Сначала появился веснушчатый парень с ее чемоданом. Помялся у двери, поглядел с любопытством и лишь потом ушел. А чуть позже пришла миловидная девушка в форме горничной, назвалась Илной, отрапортовала, что доктор вот-вот явится, и все же предложила свои услуги по разбору вещей. Али поблагодарила, отказалась и, дождавшись, пока та скроется, торопливо сменила одежду, чтобы не показываться перед еще одним посторонним человеком в мятом платье. В особняке имелась горячая вода, текущая по трубам, но принимать ванну было некогда. Пришлось довольствоваться умыванием.

Доктор Глоу выглядел почти так же, как и многие столичные медики. Невысокий, усатый, круглолицый, с перетянутым ремнем животом, в наброшенном на плечи поверх другой одежды белом халате. Он долго и тщательно слушал пульс пациентки, заглядывал в глаза, расспрашивал о самочувствии и о том, как ее лечили в Телле.

— Рановато вас выписали, конечно, — пробормотал, закончив осмотр. — Можно было бы еще немного там полежать. Но это не критично. Морской воздух, хорошее питание, молодой организм сделают свое дело. Единственное, не рекомендовал бы пока приступать к работе в полную силу.

— Но почему я так сильно ощущаю чужую магию? — задала беспокоящий ее вопрос Алита.

— Всех магов, которые оказываются поблизости? — удивился доктор.

— Нет, только одного... — призналась она, не называя имени.

— Любопытно, — призадумался собеседник. — Я не могу ответить сразу. Нужно изучить кое-какие энциклопедии.

Пообещав прислать укрепляющие микстуры и вернуться через несколько дней, доктор Глоу ушел, но почти сразу вслед за этим в дверь постучала Илна и оповестила об ужине.

— Я не могу поесть в своей комнате? — спросила Али. Промелькнула мысль совсем отказаться от еды на сегодня, но желудок тут же издал протестующее бурчание. — Если нетрудно будет принести сюда поднос.

— Мне-то все равно, но альд Ристон велел, чтобы вы непременно явились в столовую, — бесхитростно откликнулась горничная. — Я вас провожу. Сегодня очень вкусный ужин, вот увидите!

Алита подчинилась с большой неохотой. Столовая располагалась на первом этаже. Судя по размеру овального стола, стоявшего посреди просторного зала, трапезничать здесь одновременно могли человек пятнадцать, если не больше. Но за столом сидели всего четверо — Киллиан, Аэдан, Джайна и седой мужчина лет шестидесяти, очевидно, ее отец.

— Присаживайтесь, — кивнул Али Ристон-старший, смерив ее внимательным взглядом, и повернулся к кузену: — А где Томиан? Снова не ужинает дома?

— Видимо, его опять куда-то пригласили, — отозвался тот, разливая по хрустальным бокалам рубиново-красное вино.

— Пусть развлекается, — вставил реплику пожилой человек. — Кажется, нас еще не познакомили. Я Мариано Солер, управляющий.

В его речи звучал небольшой акцент, что объясняло нездешнюю красоту Джайны.

— Предлагаю выпить за приезд Алиты и наше знакомство с ней, — проговорил Киллиан Ристон, когда каждый из стоявших на столе бокалов был наполнен вином. — Оно могло бы состояться раньше, но сейчас мы не станем об этом говорить. Всему свое время.

Али вздрогнула, услышав тост, и пригубила вино. Сладкое. На языке остался привкус

спелой вишни, напоенной жарким солнцем.

— Благодарю за теплый прием.

Роль хозяйки взяла на себя Джайна. Она разливала пахнувший ароматными травами сливочный суп из серебряной супницы, раскладывала по фарфоровым тарелкам внушительные куски холодного мясного пирога, к которому подали румяный печеный картофель и овощной салат с золотистым оливковым маслом. Вино еще сильнее разожгло аппетит, вкусные запахи дразнили обоняние, и Али вспомнила, что после чая в поезде у нее во рту и маковой росинки не побывало.

— Приятного аппетита! — сказал Аэдан и улыбнулся так, словно знал ее уже давно.

Алита едва удержалась от восторженного причмокивания, пробуя блюда — пожалуй, довольно простые для стола аристократов, но приготовленные с большим мастерством.

За ужином она предпочла молчать и прислушиваться к разговорам других, но от ответов на вопросы отвертеться все же не удалось. Аэдана интересовало, увлекательно ли работать в Службе Правопорядка. Джайна расспрашивала о столичной моде. Киллиан пожелал уточнить подробности того, как Али оказалась в лечебнице. Таким образом, к тому времени, как посуда опустела, обитатели особняка успели немало узнать о госте.

Аэдан вызвался проводить ее.

— Но я запомнила, где находится моя комната, — попыталась возразить Алита.

— Мне не в тягость, — не уступал он. — К тому же коридоры пока еще не слишком хорошо освещены. Газовые лампы установили только в комнатах, а свечи нередко гаснут от сквозняка.

— Даже когда окна закрыты?

— Даже в этом случае.

— Но как же...

— Лучше не спрашивайте, — мягко ответил Аэдан, и на память вдруг пришли намеки Джайны о привидениях. Пару раз в Службу Правопорядка обращались с жалобой на подобное, однако альд Кирхилд отличался скептицизмом в некоторых вещах. Призраков и вампиров он считал выдумками из готической литературы.

До комнаты Али они добрались довольно быстро и никого по дороге не встретили. У самой двери Аэдан повторил вопрос Джайны, не страшно ли гостье ночевать в отдельном крыле. Он даже предложил прислать кого-нибудь из горничных, чтобы та составила компанию, но Алита отказалась.

— Ничего страшного. Я привыкла к одиночеству и тишине. К тому же меня ведь не оставляют одну в целом доме, так что...

— Есть какие-то пожелания? — поинтересовался Аэдан, и она решила воспользоваться случаем.

— Я бы хотела осмотреть особняк. Разумеется, не сейчас. Например, завтра вечером.

— С удовольствием покажу!

— А ваш кузен не станет возражать?

— Киллиан? — удивился собеседник. — С чего бы ему? Ведь он сам настоял на том, чтобы вы здесь поселились.

— Тогда спасибо. Буду ждать с нетерпением. И можете обращаться ко мне на ты.

Пожелав друг другу доброй ночи, они расстались. Али зажгла лампу, накинула цепочку, запирая дверь изнутри, и подошла к окну, чтобы задернуть тяжелые занавески. Несмотря на то что в Бранстейне было гораздо теплее, чем в столице, большой особняк еще не успел достаточно прогреться, а камина в комнате не имелось, поэтому девушка почти сразу ощутила неуютный холод. Вспомнив о горячей воде в ванной, она решила воспользоваться благами цивилизации. Струи бодро застучали по дну ванны, наполняя помещение горячим паром.

Алита пробежалась взглядом по ряду флаконов, покрутила в руках один из них, понюхала. Светло-лиловое содержимое успокаивающе пахло вербеной. Судя по всему, оно предназначалось для того, чтобы заменять мыло.

Спустя некоторое время Али вышла из ванной комнаты в сорочке и халате, разобрала кровать, закуталась в одеяло. Постельное белье оказалось чистым и хрустящим, а после горячей ванны необходимость в грелке отпала сама собой. Понадеявшись, что не проспит работу, Алита провалилась в сон.

Она проснулась через несколько часов — резко, точно вынырнув из-под толщи воды на воздух. Запоздало вспомнила, что не погасила лампу. За окном еще не начало рассветать, а море... Море шумело так, что никакие оконные стекла не помогали заглушить его. Громко, неистово, словно взывая к тем, кто не спал в эту ночь.

Али свернулась клубочком. Перед сомкнутыми веками проносились картины прошедшего дня, такого долгого и странного. Отправление со столичного вокзала, поезд, щебетание девушек-попутчиц, живописные улочки Бранстейна, унылые стены конторы, где ей предстояло работать, лица людей, еще вчера бывших для нее лишь именами.

Детали мелькали в мыслях, упорно не желая складываться в единую картину.

Сквозняки при закрытых окнах. Джайна, ведущая себя по-хозяйски в доме Ристонов. Аэдан, которому не досталось ни капли наследной магии.

И Киллиан. Киллиан с его волшебством, которое нельзя не заметить. Алита и прежде могла отличить магов от обычных людей, но никогда не чувствовала чью-то силу так, словно та была костром, к которому она протягивала руки.

Отчего именно он? А Рона? Ощущала ли она то же самое? Почему, ну почему сестра умалчивала о собственном муже, ничего не рассказывала о его привычках, характере, взглядах на жизнь?

Может ли быть такое, что Рона и сама не знала супруга достаточно хорошо?...

Вдруг вспомнились альд Кирхилд и его слова, сказанные на одном из совещаний. Тогда им досталось очень сложное дело. Лавочник убил всю свою семью и покончил с собой. Его подозревали в одержимости, в поклонении темным силам, в сделке, где на кону были человеческие души. Никто из обывателей не хотел верить в то, что мужчина мог сделать такое в здравом уме и по собственной воле.

— Я понимаю, что эдакое непросто уразуметь, — говорил альд Кирхилд, переводя взгляд с одного из работников Службы Правопорядка на другого. — Но порой мы не знаем даже самых близких. Другой человек — загадка. Можно провести много лет со спутником жизни и внезапно обнаружить, что рядом находился некто неизвестный, чужой, пугающий. Потому я призываю всех не заливать уши воском и не закрывать глаза, а смотреть в оба, чтобы вовремя приметить какие-либо странности в поведении окружающих.

— А как же любовь? — робко спросил кто-то.

— Любить кого-то — ваш выбор, а не его. Также это не значит, что, погрузившись в пелену нежной страсти, вы увидели человека до доньшка и узнали его полностью. Совсем наоборот, ведь так часто говорят, будто любовь слепа.

Тогда Али подумала, что ей подобное не грозит. Она не собиралась ни в кого влюбляться. Не желала, чтобы какой-то незнакомец становился центром ее жизни. К тому же она слишком хорошо знала, что значит терять близких. Перенести такое еще раз оказалось бы слишком тяжело.

Но слова альда Кирхилда запали ей в душу, и сейчас Алита мысленно повторяла их, как вызубренные стихотворные строчки, которые их заставляли заучивать наизусть в академии. Ведь не случайно же, когда происходило убийство, первым подозреваемым всегда считался супруг. А преступление могло случиться не только среди низов общества, но и в уважаемых семьях, прячущих свои постыдные тайны за фасадами роскошных особняков.

Таких, как тот, в котором она провела первую ночь.

Небо уже начало окрашиваться розовым, а сон так и не вернулся. Али умылась, привела себя в порядок, разложила в шкафу вещи. К тому времени, как раздался стук в дверь, уже полностью приготовилась идти на работу.

— Вы хорошо спали? — полюбопытствовала Илна, теребя фартук, повязанный поверх форменного платья. — А я пришла звать к завтраку. Гренки сегодня особенно удались!

Обильный завтрак включал в себя не только огромное блюдо аппетитных гренок. Имелись тут и копченый бекон, и ломтики свежей ветчины, и сливочное масло, и даже жареная фасоль в томатном соусе. Привыкшей довольствоваться овсяной кашей и куском хлеба с сыром Алите оказалось весьма сложно представить, как все это можно съесть ранним утром.

— Доброе утро, — не отрываясь от газеты, произнес Киллиан Ристон. Он выглядел так же безупречно, как и вчера, чего нельзя было сказать о его кузене. Аэдан, похоже, не выспался, потому то и дело зевал, прикрывая рот рукой и тут же прихлебывая крепкий кофе.

— Налить вам чаю? — спросила Илна у Али. — Какой конфитюр вы предпочитаете с гренками? Может быть, малиновый?

Она не успела ответить, как послышались шаги и в столовую вошла Джайна, облаченная в платье цвета густых сливок. Вслед за ней появился молодой человек — смуглый, высокий и хорошо сложенный, с длинноватыми для мужчины черными волосами и светлыми глазами. Алита догадалась, что он и есть Томиан, еще один кузен Ристона, тот самый, чьей красотой так восхищалась романтическая Карин Лекут. Магия в нем чувствовалась, но лишь слегка. Похоже, из всей семьи самым одаренным оказался Киллиан.

Али вдруг задумалась над вопросом: а где их родители? Возможно, у старшего кузена они давно умерли, но младший еще так молод. Неужели и у него тоже?

— Пришлось громко стучать в дверь, чтобы его разбудить! — со смехом сообщила Джайна. — Он так поздно вернулся вчера, что все уже спали. Надо же так засидеться в гостях!

— Приветствую! — Томиан занял место за столом, улыбнулся открыто и обезоруживающе. — Кажется, мы друг другу еще не представлены.

— Алита Дален.

— Томиан Ристон.

Его рукопожатие оказалось крепким, и никаких дополнительных ощущений, сравнимых с теми, которые возникли после прикосновения Киллиана, она не почувствовала. Вопросов прибавилось. Теперь оставалось надеяться только на то, что доктор Глоу сумеет найти ответ и не будет рассказывать о том, что ее тревожит, кому-либо другому.

— Чай остывает! — произнесла Джайна, занимая место через стул от Томиана.

— Мне бы хотелось узнать, как... на чем я поеду на работу, — приподняв чашечку, осведомилась Али, обращаясь ко всем сразу. — Здесь бывают извозчики? Или можно пойти пешком?

— Можно, но займет слишком много времени, да и не в любую погоду такие прогулки безопасны, — ответил Киллиан Ристон, аккуратно сворачивая газету и приступая к завтраку. — Ты поедешь со мной, как вчера. Мне ведь тоже надо на службу.

— А вы не работаете в городе? — поинтересовалась Алита у Аэдана и Томиана. Очень уж не хотелось снова оказываться наедине с их кузеном в тесном пространстве кареты. — Может быть, поедем все вместе?

— Я присматриваю за нашими шахтами, — отозвался Аэдан. — Так что мне в другую сторону. А Томиан — студент на каникулах и предпочитает ездить в город верхом, а не в карете.

— Понимаю, — ответила она, невольно представляя себе восторг Карин, когда та видит Томиана проезжающим по улицам Бранстейна на белом коне. Просто ожившая девичья мечта. Но, учитывая, что он еще студент, жениться ему действительно рановато.

Оставалось смириться с тем, что совместная поездка повторится и сегодня, и завтра, и в последующие дни. Али, почти не чувствуя вкуса, допила чай с хрустящими гренками и тем самым малиновым конфитюром из круглой вазочки. Когда Киллиан Ристон поднялся из-за стола, последовала за ним, стараясь не приближаться. На некотором расстоянии его магия казалась не настолько ощутимой. Но, поймав себя на желании увидеть ее в деле, Алита уже не могла избавиться от этой мысли.

— Ты снова забралась в самый угол, — фыркнул Ристон, когда обнаружил, что та заняла то же самое место в карете, что и вчера. — Рядом со мной так страшно? У меня выросли рога, клыки и когти?

— Нет. Просто я... Я не привыкла находиться так близко к мужчине.

— Я не ослышался? Ты работаешь в Службе Правопорядка, где почти нет женщин. Боюсь, данное объяснение не подходит.

Али промолчала, вцепившись повлажневшими пальцами в мягкую обивку кресла. Как ему удастся несколькими замечаниями выбить ее из колеи? Такому поведению где-то учат, или у него это от природы?

[Купить полную версию книги](#)